

Лексикология и лексикография славянских языков

Фреймовые принципы организации юридической терминологии

Н. М. Абишева

Актюбинский областной институт повышения квалификации и переподготовки кадров (Актобе, Казахстан)

Фрейм, юридическая терминология, концепт, аспект, системный характер

Summary. The thematic organization of a legal language submits to frame principles. Frames provide the special organization of the knowledge necessary for understanding of words closely connected among themselves. Capacity, presumptions, fiction it is necessary to carry to the category of the abstract concepts which are not having a subject basis, not allocated by figurative components and not statifying a certain valuable attitude relation.

Тематическая организация юридической терминологии подчиняется фреймовым принципам. Фреймы обеспечивают особую организацию знания, необходимого для понимания тесно связанных между собой слов. Для человека, которому известны соответствующие термины, указание темы само по себе создает круг понятий, объединенных этой тематикой (точнее, происходит актуализация этих понятий). Например, тема **имущественные отношения** задает актуализацию понятий «имущество», «собственность», «присвоение», «делка», «договор». Ведущим концептом этого фрейма является **имущество**, поскольку именно имущество является предметом имущественных отношений, в структуре которых физические и юридические лица совершают различные операции. В данном случае **имущество** является скорее концептом, чем понятием, так как к понятийному компоненту присоединяются предметные, образные и ценностные аспекты. Этой характеристикой концепт **имущество** отличается от понятий «реституция», «комиссия», «санация», «рента», «аренда и субаренда», «концессия и субконцессия», которые лишены образных и ценностных компонентов. В данном случае именно концепт объединяет вокруг себя понятия.

Эта же особенность отмечается для фрейма, организующегося вокруг концепта **право**: право — это, безусловно, концепт, тогда как «правоотношение», «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность», «презумпция», «фикции» следует отнести к разряду абстрактных понятий, не имеющих предметной основы, не наделенных образными компонентами и не актуализирующих некое ценностное отношение. Любопытно, что антоним слова *дееспособность* (*недееспособность*) в большей степени актуализирует определенное ценностное отношение: в данном случае отсутствие у индивида такой характеристики, как дееспособность, более значимо, чем ее присутствие, поскольку наличие признака дееспособности само собой подразумевается у всех граждан, достигших определенного возраста, тогда как исчезновение этого признака происходит не в силу естественных причин, а в результате долгих и сложных процедур (признание недееспособности производится путем судебных решений, которым обычно предшествует длительное медицинское обследование). Именно факт юридического вмешательства создает ценностное отношение. Психически больной человек остается психически больным и тогда, когда он не лишен дееспособности, и тогда, когда он ее лишен (в обоих случаях его поведение отличается низкой эффективностью), однако во втором случае правовая констатация сниженных социальных возможностей создает ценностное отношение. Иными словами, при антонимии такого рода концепт может быть противоположен понятию. В этом случае отношения слов отличаются от отношений тех ментальных образований, которые стоят за этими словами. Следует отметить, что без привлечения дискурсивного подхода подобные явления вряд ли могут быть обнаружены.

Количество статей только Особенной части Налогового кодекса РК равно 458. Рассмотрение этого списка позволяет выделить тематические группы терминов-слов (*налогоплательщик, доход, налогообложение, налог, сборы, акциз, бонус, роялти, патент, вычеты, убытки*) и терминов-словосочетаний (*счет-фактура, обязательные платежи в бюджет, налоговый учет, правила налогового учета, налоговая отчетность, налоговый период, налоговая декларация, порядок налогообложения, налогооблагаемый доход, совокупный годовой доход, порядок исчисления, сроки уплаты, источник выплаты, ставки налога, корректировка налоговых ставок, корпоративный подоходный налог, индивидуальный подоходный налог, инвестиционные налоговые преференции, пенсионные выплаты, имущественный доход, облагаемый оборот, облагаемый импорт, налог на добавленную стоимость, рентный налог, налог на сверхприбыль, социальный налог, земельный налог, налог на имущество, таможенные платежи, государственная пошлина, консульский сбор, гербовый сбор, сбор за государственную регистрацию, сбор с аукционов, лицензионный сбор за право занятия отдельными видами деятельности, специальные налоговые режимы, подписной бонус, бонус коммерческого обнаружения*). При обращении к статьям Налогового кодекса обнаруживается, что в тексте статей тематические группы расширяются. Например, в разделе, посвященном специальным налоговым режимам, определяются термины *разовый талон* (документ, удостоверяющий право применения специального налогового режима и подтверждающий факт расчета с бюджетом по индивидуальному подоходному налогу, за исключением индивидуального подоходного налога, удерживаемого у источника выплаты), *патент* (документ, удостоверяющий право применения специального налогового режима и подтверждающий факт уплаты в бюджет сумм налогов), *специальный налоговый режим на основе разового талона, специальный налоговый режим на основе патента, специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации, специальный налоговый режим для крестьянских (фермерских) хозяйств, специальный налоговый режим для юридических лиц — производителей сельскохозяйственной продукции*.

Налоговый кодекс уделяет специальное внимание определению ряда понятий. Например, если карт имеет иные технические характеристики, чем указано в кодексе, это транспортное средство будет облагаться другими налогами. Подобное расширение тематических групп в статьях кодекса наблюдается во всех отраслях права.

Таким образом, юридическая терминология содержит множество тематических групп, понимаемых как совокупности слов, объединенных на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Отношения слов внутри этих групп разнотипны, группы характеризуются относительной автономностью, непрерывностью смыслового пространства и системным характером связей между единицами.

Заемствованные существительные со значением лица в современных русском и литовском языках

И. В. Баданина

Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Л. Сельмистрайтис

Вильнюсский педагогический университет (Вильнюс, Литва)

Заемствованные существительные, значение лица, русский язык, литовский язык

Summary. Borrowed person nouns are perceived differently in modern Russian and Lithuanian.

Заемствования в современные русский и литовский языки осуществляются из одних и тех же источников — в основном из английского языка — и вызываются одними и теми же причинами, будучи проявлением глобализации и следствием развития науки, различных технологий, социальной сферы, влияния СМИ. Отношение же к необходимости заимствования в разных языках может быть различным, что определяется особенностями языков.

Известно, что отношение к заимствованиям у носителей русского языка неоднозначно: есть пуристы, ратующие за полное отсутствие иностранных слов, и есть носители языка, лояльно относящиеся к иноязычным словам. При этом преобладает точка зрения, что заимствования хороши лишь тогда, когда они оправданны.

В последние годы заимствования стали так многочисленны, что они все чаще исследуются лингвистами, включаются в различные толковые словари. Обработка этих словарей дает представление о том, какова понятийная отнесенность этих слов, их грамматические характеристики, словообразовательная активность, орфографические особенности и т. д. В данной же работе мы обратимся к сопоставительному аспекту проблемы функционирования заимствований в языке, что может помочь выявить некоторые закономерности, не столь ярко выступающие при одноязычном анализе.

В русском и литовском языках протекают примерно одинаковые процессы, обусловленные направлением развития двух государств в постсоветский период. Как известно, это рыночный путь развития экономики, а жизнь общества в значительной степени ориентирована на образцы развитых капиталистических стран. Это довольно часто приводит к необходимости называть новые реалии, появляющиеся в ходе исторического развития. Наиболее экономный и простой путь — использовать лексику, уже существующую в английском языке. Можно сказать, что русский язык чаще всего идет по этому пути. Заимствований со значением лица так много, что можно выделить их тематические группы: это названия людей по их профессиональной деятельности — в сфере экономики, политики, искусства, информатики, медицины и т. д.; по их спортивным и иным увлечениям.

При этом обращает на себя внимание, что заимствоваться могут два слова — название понятия, т. е. вида деятельности, и название лица, занимающегося им. Как правило, это лицо названо существительным муж. рода: *кёрлинг* — *кёрлингист*. Образование же существительных жен. рода, называющих женщин, которые занимаются этим же видом деятельности, происходит уже в русском языке с помощью русских словообразовательных средств: *хакер* — *хакерша*, *иммигрант* — *иммигрантка*. При этом используются русские суффиксы и регулярные способы словообразования, с помощью которых образуются существительные жен. рода от русских существительных муж. рода: *рассказчик* — *рассказчица*, *учитель* — *учительница*, *секретарь* — *секретарша*. Могут быть также образованы глаголы, прилагательные. Это показывает, что заимствования в русском языке становятся необходимой частью словаря, активно функционируют.

В словаре [Толковый словарь русского языка... 2008] представлены многочисленные существительные жен. рода,

словообразовательно соотносительные с существительными муж. рода. Но первых меньше, чем вторых, т. к., во-первых, многие профессии сначала осваиваются мужчинами и лишь потом женщинами, во-вторых — нужно время, чтобы образовывать существительные жен. рода и начать употреблять их в языковом обиходе.

Если сравнить, какие из этих заимствований, зафиксированных в словаре русского языка, употребляются также в литовском языке, то можно увидеть следующее. В литовском языке лишь очень немногие слова с аналогичными значениями включены в специальный словарь [Литовский словарь международных слов], например со значениями *дилер*, *дизайнер*, *зомби*, *модератор*; остальные можно найти только в интернет-дискурсе: *скутерист* — *skuterininkas*, *спамщик* — *spamintojas*. Обращает на себя внимание то, что некоторые из этих слов намеренно не освоены литовским языком, им не приданы литовские флексии и поэтому они выглядят как варваризмы, сразу бросаясь в глаза своей непохожестью на «родные» слова. Кроме того, в литовском языке от заимствованных существительных, называющих понятие, слова, называющие лиц по роду их деятельности, часто вообще не образуются. Если необходимо назвать человека, занимающегося новым видом деятельности, который назван заимствованным существительным, литовский язык прибегает к описательным конструкциям типа *человек, занимающийся кёрлингом*, *женщина, занимающаяся кёрлингом*, *человек, который занимается кёрлингом*, *женщина, которая занимается кёрлингом*.

В противоположность этому именно необходимость использовать описательные конструкции для называния человека по какому-либо новому виду деятельности чаще всего становится в русском языке причиной предпочтения однословного заимствования. Иными словами, для русского языка более важно экономить усилия, а для литовского — сохранить чистоту языка, избежать иноязычного влияния. Это различие в отношении к заимствованиям является частным случаем общего направления в развитии двух языков. Большой язык, т. е. язык с большим количеством носителей, не испытывает угрозы поглощения каким-либо другим более крупным языком. Но иначе воспринимаются возможные заимствования в языке с небольшим количеством носителей. Представляется, что данная проблема является частью другой, более общей — сравнительно немногочисленный народ стремится сохранить себя, свой национальный уклад жизни, свою культуру и свой язык, обслуживающий все эти сферы.

Таким образом, в сопоставлении русского и литовского языков выявляются общие закономерности их развития на современном этапе: оба языка должны решать одну и ту же проблему отношения к заимствованиям. Но языки делают разный выбор: русский язык в целом более склонен их принять, литовский же — отклонить. Поэтому можно сделать вывод, что для русского языка здесь важнее экономия усилий, тогда как для литовского — сохранение своей чистоты и независимости от иноязычного влияния.

Словари

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. М., 2008.
Литовский словарь международных слов. Вильнюс, 2008.

Теоними у савременом српском језику

Р. Бајић

Институт за српски језик Српске академије наука и уметности (Београд, Србија)

Теоним, изворно теонимска лексема, општи лексички фонд, значење, творбена структура

Summary. In this paper we discuss some theonyms in Serbian contemporary language. We analyze derivative structure, etymology and semantics of some of them. Many of them are the lexemes from general lexis base of Serbian language, being theonyms in some of their secondary meanings. Most of these meanings haven't yet been noticed in Serbian lexicography publications. Also, the initial capitalization of some of these lexemes is still unsolved question.

Под термином *теоним* подразумевамо у нашем истраживању називе и начине обраћања Богу, конкретно Светој Тројици и(ли) појединачно некоме од три Лица Свете Тројице. Уобичајено је, пак, у литератури, да се под овим термином подразумевају не само називи за Бога, него и за Богородицу и Свете Ангеле [Бугаева 2007: 24], некада и за светитеље, а исто тако и за називе богова у многобожачким религијама. Ми смо се одлучили да садржај овог термина ограничимо. Први разлог за то је већа прецизност и транспарентност термина, у том смислу што је он настао од грчке речи *ἔθος* која значи *Бог*. Други разлог за то је екскерпирана лексика која нам је послужила као материјал: текстови из области православне духовности.

Ову групу лексема можемо најпре поделити на две веће групе:

I. изворно теонимска лексика и

II. теонимска лексика настала од нетеонимске путем метафорског преношења.

Могу се констатовати неке опште карактеристике обе ове групе: у првој од њих налази се мањи број лексема чија је употреба фреквентнија (сусрећу и у неким профаним текстовима). Такве су, на пример, лексема: *Бог (Отац), Господ, Творац, Спаситељ, Исус, Христос, Света Тројица, Отац небески*. Ту су и неке мање фреквентне лексема: *(Све)Вишињи, Месија, Светвор(ац), Саваот, Син Божији, Велики Савет (= Света Тројица), Син Човечији, Свечовек, (Бог) Слово (Божије / Превечно), Логос, Реч (Божија), Свебиће, Емануил, Јахве* и др. Друга група лексема далеко је бројнија и представља отворени скуп у који увек могу да уђу нови чланови и у коме је и не мали број оказационализама. Наиме, могуће је обратити се Богу на разне начине, употребивши и многе лексема из општег лексичког фонда, те је и из тог разлога у питању релативно велики лексички скуп.

Према значењу, ове лексема углавном су у вези са односом Бога / Христа према човеку, ређе и према творевини, свету уопште. Добар део њих припада, као што смо рекли, општем лексичком фонду (нрп. *Јунак, Домаћин, Господар, Отац, Родитељ, Учитељ, Владар, Лекар, Помоћник, Заступник, Победник, Добротвор, Помоћник* итд., а затим и: *Љубав, Мудрост, Светлост, Окриље, Основ, Темељ, Начело, Окрепљење, Чистота, Извор, Штит, Заклон, Источник, Исток, Наука, Прибежиште, Сведок, Станица*).

Када посматрамо ову групу лексема творбено, нарочито продуктивним показује се иначе, према неким устаљеним схватањима, умерено продуктиван [Клајн 2003: 190] суфикс *-тељ*: *Благоподатељ, Даватељ, Дародатељ, Избавитељ, Делатељ, Искупитељ, Љубитељ (= онај кога волимо, Христос), Надахнитељ, Молитељ, (Све)Саздатељ* (ређе варијант црквенословенског порекла: *Создатељ, Ослободитељ, Основатељ, Откровитељ, Откупитељ, Сведржитељ, Победитељ, Промислитељ, Путеводитељ, Просветитељ, Прославитељ, Оживотворитељ, Створитељ, Сјединитељ, Толковатељ, Властитељ, Хранитељ, Устројитељ, Свеосмислитељ, Творитељ, Утешитељ* (овако се обично назива Дух Свети), *Свепобедитељ, Светитељ, Сведржитељ*. Мање је примера са иначе продуктивнијим суфиксом у савременом српском језику: *-ац*. Неки од њих представљају синонимски парњак лексеми са суфиксом *-тељ* (нрп. *Победилац, Хранилац, Давалац, Светац*) али је више оних који у нашем корпусу овакав синонимски парњак немају. Потоњи су углавном сложенице: *Бого-*

младенац, Венцедавац, Живоносац, Животворац, Миротворац, Миродавац, Богатодавац, Властодржац, Законодавац, Жизнодавац, Смислодавац, али има и изведеница: *Младенац, Очевидац, Мудрац*. Са суфиксом *-ник* такође су углавном сложене лексема: *Богомученик, Подвигоположник, Пастиреначалник, Првосвештеник, Архимученик*, али има и оних које то нису (*Паћеник, Женик*). Сложених лексема са суфиксом *-ач* у нашем корпусу нема. Постоје само творенице настале комбинованом творбом, као што су, на пример: *Прослављач, Однеговач*.

Такође, у овој групи лексема продуктивно је и поименичавање придева, понекад и њихових суперлативних облика: (*Пре*)*Благи, Васкрсли, Величанствени, Вечни, Богочовечни, Жељени, Давночекани, Дугочекани, Неизречени, Јед(и)нопресто(л)ни, Јед(и)норођени, Недоступни, Највећи, Најјачи, Најоклеветанији, Најпотребнији, Најчистији, Невидљиви, Недомисливи, Необманљиви, Необманути, Необухвативи, Неограничени, Неодољиви, Неописани, Непобедиви, Непостижими, Несоздани, Очекивани, Постојећи* (овде је у питању двострука конверзија, од прилога на придев, па на именицу [Клајн 2003: 382]), *Првоначални, Пребогати, Превишињи, Премудри, Пророковани, Распети, Свемоћни, Скривени, (Све)Сладчајиши, (Све)Свети, Чисти, Свењжни, Свемилостиви, Свевидећи* итд.

Као теоними користе се неки устаљени називи којима се Христос именује у Јеванђељу, на пример: *Алфа и Омега (= Почетак и Свршетак), Јагње (Божије), Лоза, Назарећанин, Цар, Младенац, Пастир, Пут, Истина, Сејач, Живот, Хлеб (живота), Судија, Чокот, Вода жива, Кнез (мира)*. Христос се још назива и *Син Божији, Богочовек, Богосин, Царев Син, Цар-Слово, Цар царева, Цар славе, Цар Небески* итд.

И Христос и Бог као Отац и као Света Тројица могу се називати и следећим лексемама: *Крманош, Вожд, Војвода, Богодуша, Путовођа, Уметник, Неимар, Откровење, Саучасник* итд.

Постоји именоване Бога (грч. ο θς; црквеносл. Сый) синтагмом *Онај који јесте*. Сусрећу се и неке друге синтагме и двочлани називи, нрп. *Онај горе, Првосветлеће Сунце, Премудрост Божија, Начертање суштаства, Мајдан (свих) небеских блага, Највиши Гост, Потомак цара Давида, Плод чрева (Пресвете) Богородице* и др. Назив *Старац Дана (Ветхи Денми)* односи се најчешће на изображени лик Бога као старца са белом брадом на појединим иконама и фрескама, а у вези је с библијским догађајем описаним у књизи пророка Данила (в. Дан. VII, 9).

Ређе се сусрећу теоними у виду бројева или заменица: *Један, Први, Он, Неко*.

Мањи је број теонима који су по етимологији грецизми. Тако је, на пример, назив за Духа Светог и *Параклит (Утешитељ)*. Затим, *Сведржитељ, Свевадар* назива се понекад и *Пантократор*, с тим што се овај последњи назив често везује за посебно фрескописно изображење Христа.

Жеља нам је да овим кратким представљањем теонима у савременом српском језику започнемо њихово даље истраживање са разних аспеката.

Литература

- Бугаева И. В. Агионими в православной среде: структурно-семантический анализ. М., 2007.
 Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Други део: суфиксација и конверзија. Нови Сад, Београд.

Динамика в българската общественно-политическа лексика (от края на ХХ началото на ХХІ век)¹

Д. Благоева

Институт българского языка (София, България)

Обществено-политическа лексика, терминология, неологизация, архаизация

Summary. The article deals with some active processes in the development of Bulgarian social and political lexis at the end of the 20. century and the beginning of the 21. century such as: archaisation, actualization and reorientation of some lexical units, semantic modification and semantic derivation, neologisation (which ranks central among all dynamic processes taking place here), borrowing and so on. The use of productive types of word-building in innovation processes is established and the most dynamic thematic groups in the field of Bulgarian social and political lexis are discussed in the article.

Обществено-политическата лексика (ОПЛ) е лексикална микросистема, в която се обективират обществените знания, представи и нагласи за явления, свързани с различни аспекти от живота на социума: политика, идеология, общественото устройство, икономика, култура. Тази микросистема има хетерогенен характер и включва ядрена част, която се изгражда от общественно-политическата терминологична подсистема, и периферия, обхващаща номинативни единици от общоупотребимия език. Обществено-политическата терминология систематизира понятиятната структура на отделните науки и професионални сфери на дейност, свързани с политическото устройство, обществения живот и пр. В периферията на микросистемата ОПЛ влизат лексеми, семемии и устойчиви съчетания с нетерминологичен характер, които в редица случаи изпълняват не само номинативна, но и експресивна функция, изразявайки разнообразни по характер оценъчни конотации.

Денотативната сфера на разглежданата лексикална микросистема обуславя това, че динамиката в ОПЛ е силно зависима от външноезикови фактори. Всяка промяна в социалната и политическата действителност неминуемо води до изменения и в състава на ОПЛ, като в периоди на радикална смяна на политическото и икономическото устройство и обществените нагласи, какъвто за централно- и източноевропейските страни е периодът след 1989 г., тези изменения са значителни.

Открояват се няколко насоки в динамиката в областта на българската ОПЛ от края на ХХ и началото на ХХІ в.:

1. Отстъпление и архаизация на номинации поради дезактуализиране на означаваните явления: *петиетка, съботник, чавдарче, аграрно-промишлен комплекс, желязна завеса, студена война*.

2. Промени в конотативното или аксеологичното съдържание на някои лексеми: *дисидент, комунист*.

3. Възобновяване и ресемантизация на архаизирани думи: *кмет, общинар, градоначалник 'кмет', губернатор 'областен управител', лустрация*.

4. Възникване на нови думи и съчетания: *декомунизация, формал, алкайдизъм, путинизация, криптокомунист, гражданско общество, двуполусен модел, нежна революция, държавен тероризъм*.

5. Семантично преобразуване на познати думи и съчетания: *ястреб, демонтаж, син, жълт, совалка, шокова терапия*.

6. Заемане на думи от чужди езици: *глобализация, мондиализация, талибан, муджахидин, компромат*.

Централно място сред посочените динамични процеси заема неологизацията. При образуването на нови думи от разглежданата тематична област се наблюдава активизиране на познати словообразователни елементи като например -*ист*, -*ец*, -*изъм*, -*аци(я)*, -*изира(м)*, *анти-*, *про-*, *де-*, *ре-* и пр. (*атакист, бесепеец, алкайдизъм, федерализация, антибедност, проседесарски, деполитизация, рекомунизация*), както и обособяване на някои нови компоненти (предимно първи или втори съставни части на прилагателни

или съществителни имена): *-гейт, евро-, крипто-, е-(петрол)гейт, еврооптимизъм, криптоживковист, е-правителство*).

Най-активно с нови номинации се попълват следните кръгове от разглежданата тематична област:

1. Названия на лица: членове или привърженици на политически партии, организации и под. (*седесар, гербаджия, царист, нововремец, проатлантик*), участници в обществени или др. движения, акции или прояви (*алтерглобалист, антинатовец, формал, неформал, десетоноемвриец*), изразители на определени (по правило негативни) явления в общественно-политическия живот (*корупционер, авторитарник, клиентелист, олигархия*), длъжности и позиции в общественно-политическата сфера (*омбудсман, европарламентарист, еврокомисар, дансаджия, експремиер*) и пр.

2. Абстрактни съществителни имена, назоваващи:

2.1. Процеси и нагласи в политическия и обществения живот: *тоталитаризация, мултиетнизация, ромизация, гетоизиране, натоцентризм, глобофобия, евроскептицизъм, евроразишряване*.

2.2. Политически, религиозни и други течения, доктрини и под.: *посткомунизъм, алкайдизъм, джихадизъм, атакизъм*.

2.3. Негативни явления и прояви в политическия и обществения живот: *талибанщина, олигарщина, братовчедщина, мафиотщина, клиентелизъм, мегакорупция, ченгеджийство*.

2.4. Дейности и явления, свързани с държавното управление, парламентаризма и други сфери на общественно-политическия живот: *трилотаж, триплика, евроизбори, антивот, контрамитинг*.

Активно се образува и нова глаголна лексика, отразяваща нови дейности, процеси и прояви в общественно-политическата сфера: *раздържавявам, лустрирам, лобирам, партизирам, рекомунизирам, сателитизирам, тоталитаризирам, мандатирам, институционализирам, евроинтегрирам, дисидентствам, депутатствам, талибанизирам се*.

Може да се заключи, че през последните десетилетия в българската ОПЛ се наблюдава подчертана динамика, свързана с дезактуализиране и отмиране на някои лексикални единици, преобразуване в семантиката или конотационните особености на други лексеми, както и засилена номинативна активност, проявяваща се в навлизане на голям брой нови думи и съчетания. Тази динамика е обусловена както от екстралингвистични фактори, така и от вътрешноезикови причини. Наблюдават се съществени промени както в терминологичния, така и в нетерминологичния сектор на ОПЛ. Немалка част от новите номинации от кръга на общоупотребимата лексика са носители на аксиологични конотации (като по правило оценъчността е с негативен характер). Това свидетелства за активната позиция на номинатора, който не само назовава, но и дава оценка за новите явления от общественно-политическия живот.

¹ Изследването е проведено с частичната финансова подкрепа на Фонд „Научни изследвания“ на Република България, договор ДТК 02 / 52 от 2009 г.

Система смыслов русских эвфемизмов и их прямых лексических соответствий

М. Валевиц

ООО «Меркатор» (Москва, Россия)

Универсальные тенденции развития, лексическая система, эвфемизмы, семантические характеристики

Russian euphemisms meanings system and their direct lexical correspondences. For testing the number of predictions which were put forward in the Sign's life cycle model there were investigated semantic features of Russian language euphemisms and their direct names on the material of the Dictionary of Russian language euphemisms (2008) and the Thesaurus of Russian speech synonyms (2007). There was revealed patterns of semantic transitions from direct names to euphemisms.

Проблема. Цель данного исследования — изучение семантических характеристик эвфемизмов русского языка и их прямых наименований, а на этой основе — определение закономерностей в основных направлениях семантических переходов при движении от прямых наименований к эвфемистическим. Исследование ведётся на материале «Словаря эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной [Сеничкина 2008]) и «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» под редакцией Л. Г. Бабенко [Бабенко 2007].

Теоретические основания анализа. Эвфемизмы занимают важное место в системе языка. В частности, явление эвфемии является одной из главных причин такого явления, как **смена наименований слов** [Вандриес 1937: 199]. Проблема изнашиваемости слов в совокупности с проблемой эвфемии рассматривается А. А. Поликарповым в рамках «*модели жизненного цикла знака*» [Поликарпов 2007]; [Поликарпов 2009]; [Поликарпов, Селезнева-Елецкая 2004]. В частности, в работе [Поликарпов, Селезнева-Елецкая 2004] было определено, что области «страшного» и «неприятного» имеют, в среднем, заметно больше вариантов обозначения в индоевропейских языках, т. е. обладают большей исторической изменчивостью, чем все остальные смысловые области глоттохронологического списка в целом. Одновременно, было обнаружено, что области «приятного» обладают большей, чем в среднем, устойчивостью, меньшей изменчивостью, чем все смысловые области глоттохронологического списка в целом и, тем более, чем та их часть, которая связана со «страшным» и «неприятным».

Можно полагать, что эвфемизмы, наряду с подсознательными заменами прямых страшных или неприятных для самого говорящего человека наименований [Поликарпов, Селезнева-Елецкая 2004], а также наряду со словами (или выражениями), заменяющими слова с износившимися значениями [Поликарпов 2001], составляют широкую категорию слов (или выражений) «функциональных заместителей». Эвфемизация — самый явный среди указанных процесс. Но даже он изучен недостаточно.

Методы исследования. С помощью словаря-тезауруса синонимов русской речи, нашего второго словаря-источника данных, мы отнесли все эвфемизмы и прямые наименования к одной из 16 основных семантических категорий. Это позволило нам определить денотативные сферы, которые чаще других подвергаются эвфемизации, а также наиболее популярные денотативные сферы, использующиеся для эвфемистических замен.

Основные результаты. Сферы, **подвергающиеся в наибольшей степени эвфемизации** — это *эмоции, социальная деятельность, живая природа, социальная сфера жизни человека, оценка и человек как живое существо*. Например, ЛЮБИТЬ вместо *совершать половой акт* (семантическая категория «4. Эмоции»), ПОПОЛНЕНИЕ вместо *рождение ребенка* (семантическая категория «2. Живая природа»). Такое распределение слов объясняется тем, что данные сферы наиболее близки к человеку и его деятельности, содержат ярко выраженный оценочный и эмоциональный компонент, а значит, должны чаще подвергаться эвфемизации. Наиболее популярные денотативные сферы, **использующиеся для эвфемистических замен** — это *социальная деятельность, эмоции, социальная сфера жизни человека, универ-*

сальные представления, смыслы и отношения и оценка. Например, НЕБОГАТЫЙ вместо *скудный* (семантическая категория «10. Социальная деятельность»), НЕВЕРНО вместо *неправильно* (семантическая категория «16. Универсальные представления, смыслы и отношения»).

Как показал анализ, чаще всего подвергаются эвфемизации категории, близкие к человеку, страшные или эмоционально окрашенные (*чувственность, смерть, поведение человека, физиологические продукты жизнедеятельности*). Категории, использующиеся для эвфемистической замены — более абстрактные, отвлекающие, менее эмоционально окрашенные (*перемещение, обработка объекта, любовь* (чаще всего вместо чувственности), общие оценки различного рода (вместо конкретных отрицательных оценок).

При переходе от конкретного прямого наименования к конкретному эвфемизму наблюдается смягчение экспрессивности, переход к более эмоционально нейтральному смыслу (*любовь* вместо *чувственности*); по сравнению с исходным, заменяющий смысл обладает большей абстрактностью, что позволяет скрыть, затушевать обозначаемый смысл (*физиологические действия* вместо *смерти, завершенность* вместо *смерти, общая оценка* вместо *неодобрения*). Например, ЛЮБИТЬ вместо *совершать половой акт*: семантическая категория «4.1.4.3. Чувственность» меняется на семантическую категорию «4.1.4.1. Любовь»; СОН вместо *смерть*: семантическая категория «2.2.10.1.2. Смерть» меняется на семантическую категорию «2.2.10.2. Живая природа». Кроме того, новое значение может браться из другого семантического класса, быть связанным с заменяемым смыслом лишь ассоциативно. Например, МАЗАТЬ вместо *давать взятку*, ПОДКОВЫВАТЬ вместо *обманывать*: семантическая категория «11. Социальная сфера жизни человека» меняется на семантическую категорию «9. Конкретная физическая деятельность».

Литература

- Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
- Поликарпов А. А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка // Studies of the Kazan School of Computer and Cognitive Linguistics. TEL-2001. Казань, 2001.
- Поликарпов А. А. Системно-квантитативный подход в лингвистике // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований (Вестник Смоленского государственного университета. Сер. 1: Филология. Том 1). Смоленск, 2007
- Поликарпов А. А. Универсальные, типологические, локально-смысловые и частно-лингвистические факторы исторической сменяемости знаковых единиц языка // VIII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (Москва, 23–24 сентября 2009 г.): Тезисы и доклады. М., 2009. С. 125–141.
- Поликарпов А. А., Селезнева-Елецкая Л. А. Степень абстрактности и субъективности смысла — факторы варьирования степени сохранности во времени его лексических обозначений // Проблемы современного индоевропейского языкознания. М., 2004. С. 327–376.
- Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., 2008.
- Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007.

Англо-американизмы в истории чешского языка

Е. А. Ващенко

Языковые контакты, синхрония и диахрония, вхождение англоязычных единиц, богемизированные новообразования

Summary. The history of the appearance of British and American loanwords is closely connected with the history of the Czech-British, Czech-American cultural, economic and political connections. The research of the historical archives permitted to make a conclusion that such connections have been irregular.

Чешский язык всегда находился и находится в тесном контакте с другими языками, и в разные исторические периоды в его словаре появлялись грецизмы и латинизмы, германизмы и галлицизмы, русизмы и т. д. На современном этапе, в силу экономических и политических преобразований в Чешской Республике после «бархатной революции» 1989 г., развития новых чешско-английских и чешско-американских контактов, в чешском языке прослеживается англо-американский лексический «бум». Именно активизация данного процесса на современном этапе развития языка обуславливает необходимость научного лингвистического анализа появления в чешском языке англоязычных лексических единиц в разные периоды существования чешско-английских, чешско-американских культурных и экономически-политических связей.

Исследование исторических архивов позволило сделать вывод о том, что такие отношения были неравномерными. Хронологически выделено три основных этапа появления англоязычных лексем в чешском словаре. На первом этапе (X — середина XIX в.) зафиксировано незначительное количество английских лексем. В основном это были лексемы, связанные с созданием политических, религиозных и философских течений, а также английские антропонимы, топонимы, гидронимы и т. д., были известными в узких кругах чешского общества, т. е. были элементами языка «высокого стиля».

Уже в X в. чешская знать знала такие лексемы, как *Anglia, Oxford, ealdorman, sheriff*; в XI в. — *lord, earls, Westminster*, в XII в. — *parlament, lawn-tennis*. На рубеже XIV и XV вв. политические и культурные отношения между Чехией и Англией становятся более тесными, и с этого времени происходит ряд новых англицизмов, напр.: *Yorkshire, člen Balliolovy kolleje, Jan Wiklif (Wiclif)* и др. Чешская юридическая терминология пополняется за счет новых единиц: *copy holdland, freehold, rents*. XVII в. ассоциируется, прежде всего, с революционными событиями в Англии 1640–1660 гг., и в чешском языке появляются такие лексемы, как *anglikánství, puritáni* и под.

На втором этапе (середина XIX — конец 80-х годов XX в.) прослеживаются первые случаи активного действия конвергенции, результатом которого стало появление уже значительного количества единиц английского происхождения, в частности, научно-технических терминов: *clam-shell-bagger, tender, dreadnought*; названия пищи и напитков: *rocks, cakes, whisky*. В особенной степени пополняется чешская спортивная терминология *goalman, team, hockeyová raketta* и под. В то же время именно в названный период формируются определенные тенденции, связанные с политической ситуацией в социалистической Чехословакии, которая была враждебно настроенной против всего капиталистического и западного. Этим объясняется появление собственно чешских лексических единиц, которые должны были заменить уже существующие англицизмы, напр., англ. *hot*

dog превратился в ч. *párek v rohlíku, handbal — házená, gól — branka* и под.

Третий период начинается с конца XX в. Этот этап в чешских СМИ характеризуется как «англо-американизация». Чешский язык оказывается в водовороте англо-американской «лексикомании».

Англо-американизмы активно адаптируются и функционируют во всех основных социально-коммуникативных сферах. В сфере разговорно-бытовой коммуникации выделяются следующие тематические подгруппы: 1) быт, напр., названия одежды, обуви (*styling, šortky*), косметические процедуры и средства (*mejkap, peeling*), пища, напитки (*hot dog, cheesburger*) 2) общественная жизнь, труд, досуг, виды деятельности (*konzulting, sponzorng*), профессии (*kouč / coach, manažer*), неформальные структуры и движения (*punk / pank, racketeering / reketng*), хобби, игры (*puzzle, legomanie*).

По количеству соответствующих лексических единиц самой объемной является сфера профессиональной коммуникации. Здесь мы выделяем следующие области: политические технологии: *leader / lídr, parlament*; экономика, финансы, торговля: *laesng, sale*; военное дело: *snajper, protitankový*; кулинария: *gril, viska*; спорт: *raft, golf*; кинология: *píbul, pointer*; биология: *ilarvir, komovir*; (авто)техника: *hydrobus, chopper*; компьютерные технологии: *mail, on-line*; телекоммуникации: *hot line, SIM karta*; медицина: *minitester, stres*; геология: *permafrost, pipa*; филология: *klauze, tagmé*; туризм: *all inclusive, check-in*; текстильное производство: *silk, bobinet*; публицистика: *speech, prime time*.

Третью группу составляют англицизмы из сферы культурной коммуникации, где тематических подгрупп гораздо меньше (всего 5): музыка: *remixování, singl*; театр, кино: *sitkom, soap-opera*; телевидение, эстрада, шоу-бизнес: *show, teleshopping*; архитектура: *op-art, loft*; литература: *humoristika, holmesovka*. В этом сегменте многочисленными остаются музыкальные термины.

Вследствие существующей в чешском обществе тенденции делать все «по-английски» современные печатные источники некоторые «старые» английские единицы снова подают в графически оригинальной форме (напр., ч. *džez* = англ. *Jazz*). Часто употребляемым в публицистике и в разговорно-бытовой лексике есть англицизм *show*, известный чехам еще из шекспировского «Гамлета» в словосочетании *dumb show* «немая игра». Распространение разножанровых зрелищ обусловило появление в чешском языке ряда новых лексем с компонентом *show-*: *cookingshow, laserová show* и под., а также стилистических калек вроде *show jednoho muže* (англ. *one-man show*).

Детальный анализ англоязычного материала позволил раскрыть особенности влияния английского языка на чешский язык как в синхронии, так и в диахронии, а также изучить разные адаптивные изменения, которые прослеживаются на всех структурных уровнях языка: от фонетического до семантического.

Стилистический потенциал русской фразеологии

Э. С. Велишаева

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

Phraseological unit, general linguistic and individual author's usage of phraseologisms, transformation, stylistic effect, stylistic label

Summary. The paper presents the analysis of semantic and stylistic peculiarities of functioning of fraseologisms in Nabokov's works and its vocabulary definition. There is fixed well-established static meanings of units in the vocabularies of fraseologisms. Dynamics of fraseologisms in speech including is written form expose its semantic and stylistic potential.

В соответствии с принятой во «Фразеологическом словаре русского языка» (1978) классификацией ФЕ нами были выделены следующие пласты фразеологии в произведениях

В. Набокова: **1. Устар.** (15 ед. в 23 употр.): *в бегах* (1), *бог помощь* (3), *за гробом* (1), *на долгих* (1), *желтый дом* (2), *честь имею* (5), *белая кость* (1), *пойти в люди* (1), *на бар-*

скую ногу (1), по образу и подобию (1), отдавать богу душу (2), под рукой (1), сделать партию (1), хватить через край (2), царствие небесное (1); **2. Прост.** (46 ед. в 102 употр.): *валиться со смеху* (3), *вот так штука!* (1), *вот те крест* (1), *входить в силу* (3), *гайка слаба* (1), *губа не дура* (1), *как пить дать* (1), *дело в шляпе* (3), *первым делом* (6), *сумасшедший дом* (6), *и в ус не дуть* (1), *не в духах* (1), *есть глазами* (1), *задавать драпа* (1), *не по зубам* (1), *как бы не так!* (1), *кондрашка хватил* (1), *крыса канцелярская* (1), *в лоск* (1), *на людях* (1), *мозолить глаза* (1), *накладывать на себя руки* (1), *наше вам с кисточкой!* (1), *дальше некуда* (1), *ноль внимания* (1), *под нос* (1), *под самым носом* (1), *не по носу* (1), *мокрого места не останется* (1), *провалиться в тартарары* (1), *протянуть ноги* (1), *таращить глаза* (7), *свернуть шею* (1), *с легким сердцем* (1), *под сурдинку* (3), *сходить с ума* (5), *вот то-то и оно* (1), *доходить до точки* (3), *ни тпру ни ну* (1), *помирать со смеху* (3), *черт меня возьми* (9), *черт с ним* (5), *что за черт!* (1), *ни черта* (3), *к черту* (11), *по шапке* (1); **3. Груб.-прост.** (3 ед. в 4 употр.): *в три шеи* (1), *воротить нос* (2), *не по ноздре* (1); **4. Книж.** (6 ед. в 7 употр.): *от аза до ижицы* (1), *кануть в Лету* (1), *наложит отпечаток (печать)* (2), *Ариаднина нить* (1), *золотой телец* (1), *яблоко раздора* (1). Эмоционально-экспрессивная оценка отмечена в следующих единицах: *крыса канцелярская* пренебр. (1), *не в духах* шутл. (1), *заливаться соловьем* шутл. (1), *злачное место* ирон. (1). Таким образом, мы выделили 70 ед. в 136 употреблениях.

Однако в нашей выборке имели место 17 единиц, незарегистрированных в словаре А. И. Молоткова, либо зарегистрированные, но без стилистических помет, то есть, отнесенные авторами словаря к нейтральной фразеологии. Проанализировав стилистическую окраску данных фразеологизмов, представленную в различных словарях, мы классифицировали их следующим образом: *ad usum delphini* книж.; *адамова голова* устар.; *смирительный дом* устар.; *неглиже с отвагой* устар., ирон.; (...) *груши околачивать* груб.-прост., бран.; *пти-жэ* устар.; *раздавить флакон* прост.; *гомерический смех* книж., *сукин кот* груб.-прост., бран.; *terra firma* книж., ирон.; *terra incognita* книж.; *тет-а-тет* книж.; *то-то же* прост.; *старый хрыч* груб.-прост., бран.; *с яйца* книж., *Ахиллесова пята* книж., *Танталовы муки* книж. Таким образом, устаревших фразеологизмов — 19 ед. в 30 употреблениях, просторечных — 48 ед. в 104 употреблениях, грубо-просторечных — 6 ед. в 8 употреблениях, книжных — 14 ед. в 19 употреблениях, что в сумме дает 87 стилистически окрашенных ед., представленных в 161 употреблении. Эмоционально окрашенных ед. — 9 в 12 употреблениях.

Однако, данные подсчеты, основанные на словарных дефинициях и стилистических пометах не дают полной картины реализации всего спектра значений и стилистических возможностей ФЕ. Часть вышеуказанных фразеологизмов в контексте подвергается авторскому преобразованию, проявляющемуся как на содержательном, так и на формальном уровне, приводя к появлению определенного стилистического эффекта. Так, **на уровне семантики** в контексте происходит: **1. Расширение значения ФЕ** (1): «Канашечку очень жаль, — и очень мучительны, верно, были ему молодые люди, окружавшие жену и находившиеся с ней в разных стадиях любовной близости, *от аза до ижицы*» (Дар).

Границы, заданные словами «аз» (начало) и «ижица» (конец), раздвигаются с включением в словесное окружение ФЕ понятия о «стадиях». Книжная ФЕ приобретает сниженную коннотацию; **2. Использование компонента ФЕ в прямом значении** (3): «Барышня, во всяком случае, с характером, — сказал инженер Керн. — Я раз видел ее на заседании бального комитета. Ей было всё *не по носу*. — А нос какой? — спросила Александра Яковлевна. — Знаете, я, по правде сказать, не очень ее разглядывал, ведь в конце концов все барышни метят в красавицы...» (Дар). Такой прием способствует проявлению комического эффекта; **3. Изменение значения ФЕ** (2): «...хотя он знал это твердо и знал, что надежды нет, а все-таки в эту минуту захотелось попасть на знакомые, пестрые улицы... но вот часы дозволили, мыслимое небо заволоклось, и темница опять *вошла в силу*» (Приглашение на казнь). Просторечная ФЕ приобретает нейтральное значение «становиться реальностью»; **4. Возвращение к исходному значению ФЕ** (1): «Неужели действительно он всё понял в них, понял, что кроме пресловутой «живописности» есть в них еще тот особый поэтический смысл..., который один выводит стихи *в люди?*» (Дар). Устаревшая ФЕ «идти в люди» в контексте сближается с понятием быть опубликованным, т. е. представленным людям; **5. Двойная актуализация** (2): «Господи, отче...? По Бродвею, в лихорадочном шорохе долларов, гетеры и дельцы в гетрах, дерясь, падая, задыхаясь, бежали за *золотым тельцом*, котормый, шуршащими боками протискиваясь между небоскребами, обращал к электрическому небу изможденный лик свой и выл...» (Дар); **6. Использование ФЕ в функции тропов и фигур** (11): «... Марта быстро и яростно *свернула замку шею*» (Король, дама, валет). **На уровне формы:** **1. Расширение компонентного состава ФЕ** (3): «Есть пьеса «Бездна» (L'Abîme) известного французского писателя Suire. Она уже сошла со сцены, прямо в Малую Лету (т. е. в ту, которая обслуживает театр, — речка, кстати сказать, не столь безнадежная, как главная, с менее крепким раствором забвения, так что режиссерская удочка / иное еще вылавливает спустя много лет) (Лик). В данном примере автором использован прием кумуляции, усечения, гипонимизации. Наличие родового понятия *речка*, способствует разъятию формы ФЕ и уподобляет ее свободному сочетанию слов; **2. Усечение ФЕ** (1): Накануне удалось вприсунуть взятку в нужную *крысу* в нужном отделе, и этим заставить ее выделить нужную *visa de sortie...*» (Другие берега); **3. Словообразовательное и морфологическое варьирование ФЕ** (3): «в *желтоватом доме*» (Дар, Т. 3, с. 82); «*покатывался со смеху*» (Машенька); **4. Использование образа ФЕ** (2): «*соловьиною ложь*» (Отчаяние); **5. Создание ФЕ по модели** (2): «*намозолили душу*» (В. Шишков); **6. Кумуляция ФЕ** (2): «Вообще же говоря, осматривая эту «квартиру на барскую ногу, снятую на *скорую руку*», — как шутил отец, — она не могла отделаться от мысли, что все это только временное...» (Защита Лужина)

Таким образом, анализ фразеологизмов, использованных в произведениях В. Набокова, наглядно продемонстрировал, что содержательные, формальные и стилистические характеристики этих единиц, представленные в словаре, сильно разнятся от их реализации в контексте. Причиной является тот факт, что словарь отражает статику языка, а художественное произведение — его динамику.

Изоглоссы в славянском языковом мире

Т. И. Вендина

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Славянские диалекты, межславянские лексические связи

Аннотация. В докладе излагаются критерии пространственно-временной интерпретации славянских лексических изоглосс.

Праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции: достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии

показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду». Из-за отсутствия достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам лексический состав праславянского языка воспринимался не дифференцированно.

Однако с выходом в свет первых томов Общеславянского лингвистического атласа ситуация в корне изменилась, так как Атлас содержит бесценную информацию об ареалах многочисленных явлений, локализация которых ранее была неизвестна в славистике. Каждый лексико-словообразовательный том Атласа содержит в себе целую серию древних лексических диалектизм, имеющих нередко эксклюзивные сепаратные связи. Атлас дает возможность наглядно увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании славянских диалектов или при составлении словарей, ибо он позволяет выявить пространственную локализацию межязыковых схождений, и, что самое главное, оценить их с ареальной точки зрения.

Вместе с тем Атлас выявил некоторые проблемы современной славистики, которые требуют своего решения. И это прежде всего проблема интерпретации изоглосс и образуемых ими ареалов.

Ареальная характеристика лексики, представленной в Атласе, является часто довольно сложной, демонстрирующей наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография славянских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается не одинаковой, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и соответственно разной хронологии. Карты Атласа показали, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости: одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), другие определяются факторами ареально-типологическими (связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления) и пространственно-генетическими (которые во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков). Это значит, что праславянские лексические единицы сосуществуют на картах Атласа в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских диалектов. Для осмысления этой картины простое суммирование славянских изоглосс мало что дает, ибо происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс без учета их возможной хронологической соотнесенности отра-

жает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания уровней языка.

Для определения статуса межславянских лексических изоглосс в плане их хронологической интерпретации чрезвычайно важным является пространственный контекст, в котором они существуют, так как один и тот же ареал, но в разном пространственном контексте может иметь разную интерпретацию и наоборот разные ареалы в одном и том же пространственном контексте могут иметь одну и ту же интерпретацию (это положение автор иллюстрирует ситуацией в восточнославянском диалектном континууме, который рассматривается им в общеславянском, в западнославянском и южнославянском контексте).

Существование различных типов ареалов в славянских диалектах является ярким свидетельством процесса их постоянного изменения и языковой эволюции. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ареалы — это пространственно-временные образования, ибо время — лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. Поэтому разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах.

Однако формально-пространственные признаки ареала не следует абсолютизировать, поскольку наряду с ними активно работают и собственно лингвистические критерии, позволяющие диагностировать относительную хронологию изоглосс. Это прежде всего — тип основы корреспондирующих лексем (производный / непроизводный); наличие / отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами; локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп); наличие / отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале; характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное), их этимология; характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное) и др.

Совокупность топографических и лингвистических признаков позволит соотнести генетический и ареальный критерии и установить относительную хронологию выявленных изоглосс. В этом смысле научная ценность Атласа заключается в том, что общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу сегодня открылась возможность начать инвентаризацию славянских изоглосс и каталогизацию ареальных сценариев с целью выявления их типологии.

Многозначность и синонимия: *выбросить* и *выкинуть*¹

И. В. Галактионова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Русский язык, структура многозначности, синонимия

Summary. The paper deals with two Russian verbs — *vybrosit'* and *vykinut'* 'throw out' and their structure of polysemy as it is reflected in new Active dictionary of Russian language.

1. В настоящее время коллектив авторов под руководством Ю. Д. Апресяна работает над созданием Активного словаря русского языка, в основу которого положен интегральный подход к описанию языка. Опубликован Проспект этого словаря [Проспект... 2010], содержащий информацию о теоретической концепции словаря и структуре словарных статей, а также образцы словарных статей, подготовленных членами авторского коллектива, и словник будущего словаря. Сейчас идет работа над первым томом.

2. При создании словарных статей лексикограф принимает те или иные решения, которые не могут быть в явном

виде обоснованы непосредственно в тексте словаря, поскольку это не укладывается в формат создаваемого текста. Предлагаемый доклад содержит обоснования для решений, касающихся структуры многозначности двух глаголов — *выбросить* и *выкинуть*.

3. Обладающие развитой многозначностью слова *выбросить* и *выкинуть* очевидным образом являются синонимами в своих основных значениях; ср. смысловую эквивалентность сочетаний *выбросить все вещи из ящика на пол* и *выкинуть все вещи из ящика на пол*; *Нужно выбросить весь хлам на помойку* и *Нужно выкинуть весь хлам на помойку*.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», гранта НШ-4019.2010.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ и гранта РГНФ №10-04-00273а.

Это обстоятельство должно быть отражено в описании — прежде всего в тождестве или сходстве толкований, а также в сходной организации других зон словарных статей.

Слова *выбросить* и *выкинуть* интересны тем, что синонимические отношения между ними охватывают практически все их значения. Иначе говоря, они имеют сходную структуру многозначности, что, естественно, отражается в их описании.

4. Рассматриваемые глаголы в их основных значениях входят в две достаточно большие группы слов (то есть в два лексикографических типа — см, например, [Апресян 2006: 65]): в группу слов со значением каузации перемещения объекта (*бросить* [*камешек в воду*], *положить* [*книгу на стол*], *выдвинуть* [*стул из-за стола*], *переставить* [*вазу с полки на стол*] и т. п.) и в группу слов, указывающих на перемещение субъекта или объекта из какого-то закрытого пространства в более открытое (*выйти* [*из комнаты в коридор*], *вытащить* [*из шкафа*], *извлечь* [*из почтового ящика*] и т. п.). Описание сходных в каком-либо отношении значений должно быть единообразным.

Кроме того, эти слова производны, и их описание должно учитывать семантическую структуру соответствующих бес-

приставочных глаголов *бросить* и *кинуть*, которые также являются синонимами по крайней мере в некоторых значениях (ср. *бросить вещи в угол* и *кинуть вещи в угол*). Слова *бросить* и *кинуть* более просты по смыслу, и первое из них как более нейтральное в этой паре естественно использовать в качестве метаслова в толковании тех значений *выбросить* и *выкинуть*, где нужно передать соответствующий смысл.

5. Представим систему значений слов *выбросить* и *выкинуть* в виде таблицы, что позволит наглядно продемонстрировать сходство в структуре их многозначности и увидеть, в чем состоят различия.

Значения каждого слова объединены в блоки. Номер блока — первая (или единственная) цифра в номере значения. Вторая цифра в номере (если она есть) указывает на место значения в блоке. Поскольку семантически сходные блоки в структуре многозначности двух глаголов не всегда имеют один и тот же номер, для удобства сравнения значений каждый из них обозначен буквой. Во втором столбце приводится краткое толкование, используемое в синопсисе — своеобразным путеводителем по словарной статье, которым снабжаются слова, имеющие пять и более значений. Полные толкования даются при описании каждого из значений.

Блок	Краткое толкование	Глагол <i>выбросить</i>	Глагол <i>выкинуть</i>
А	‘бросив, переместить вовне’	выбросить 1.1 <i>выбросить вещи из сумки на пол</i>	выкинуть 1.1 <i>выкинуть белье из ящика на кровать</i>
	‘избавиться от ненужной вещи’	выбросить 1.2 <i>выбросить весь хлам на свалку</i>	выкинуть 1.2 <i>выкинуть старую обувь на помойку</i>
	‘переместить в открытое пространство’ [о стихийной силе]	выбросить 1.3 <i>Шторм выбросил рыбацкие лодки на берег</i>	выкинуть 1.3 <i>Взрывной волной его выкинуло из машины</i>
Б	‘удалить часть текста’	выбросить 2.1 <i>выбросить из романа все упоминания о Сталине</i>	выкинуть 2.1 <i>Из песни слова не выкинешь</i>
	‘выгнать’	выбросить 2.2 <i>Забастовщиков выбросили за ворота фабрики</i>	выкинуть 2.2 <i>Его выкинули с работы</i>
	‘потратить впустую’	выбросить 2.3 <i>выброшенные на ветер деньги</i>	выкинуть 2.3 <i>выкидывать огромные деньги на рестораны</i>
В	‘преждевременно родить’		выкинуть 3 <i>выкинуть на втором месяце</i>
Г	‘выдвинуть резким движением’	выбросить 3 <i>выбросить руку вперед для удара</i>	выкинуть 4 <i>театральным жестом выкинуть руку вперед</i>
Д	‘дать росток’	выбросить 4.1 <i>Луковица выбросила стрелку</i>	выкинуть 5 <i>Пшеница выкинула колос</i>
	‘вытолкнуть наружу’	выбросить 4.2 <i>Вулкан выбрасывает тонны пепла</i>	
Е	‘начать продавать’	выбросить 5 <i>В магазине выбросили дефицитный товар</i>	выкинуть 6 <i>В продажу выкинули французскую косметику</i>
Ж	‘сделать что-л. необычное’		выкинуть 7 <i>выкидывать фортели</i>

В докладе будут предложены комментарии к приведенной таблице, касающиеся в основном порядка взаимного расположения блоков и значений внутри блоков, а также приведена другая информация, относящаяся к синонимичным значениям рассматриваемых глаголов, как та, которая находит отражение в тексте словарной статьи, так и та, которая в словаре не фиксируется как не соответствующая формату описания.

Литература

- Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
- Перспектив Активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М., 2010.

Причины интенсификации процессов заимствования в русском языке на рубеже XX–XXI веков и проблемы толкования значений иноязычных неологизмов

А. А. Горбов

(СПбГУ)

Заимствование, значение, престиж, повышение в ранге

Summary. The paper analyzes six loanwords typically cited as examples illustrating the role of prestige and elevation factors in the intensification of the process of lexical borrowing in Russian. The analysis shows that (1) there is a significant difference in meaning between the loanwords and their closest Russian synonyms, and (2) the newly borrowed words are used in the same meanings they have in the source language, i. e. there is no “elevation” or other change in meaning at the time of borrowing.

Доклад посвящен проблемам, связанным с необходимостью уточнения лексических значений иноязычных неоло-

гизмов, вошедших в словарный состав русского языка в последние два десятилетия. Анализируются слова, приво-

димые в качестве примеров, казалось бы, подтверждающих достоверность известных гипотез о «престиже» заимствованного слова как одной из причин интенсификации процесса заимствования, а также о «повышении в ранге» значения заимствуемого слова «на входе» в лексическую систему русского языка.

Одной из причин резкой интенсификации процессов заимствования русским языком иноязычных лексических единиц считается тот факт, что «носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка: *презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление*, *экслюзивный* — лучше, чем *исключительный*, *топ-модели* — шикарнее, чем *лучшие модели*... [Современный русский язык... 2008: 171].

В связи с высказанными соображениями в работе предпринимается попытка уточнить лексические значения слов *презентация*, *топ-модель* и *экслюзивный*. Для этой цели дефиниции значений анализируемых слов, приведенные в словарях, соотносятся со значениями, в которых они употребляются в высказываниях, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и найденных в сети Интернет при помощи поисковых систем *yandex* и *google*.

Анализ значения существительного *презентация* показывает, в частности, что это слово далеко не во всех случаях синонимично слову *представление*.

В конце XX века слово *презентация* вошло в состав общеупотребительной лексики современного русского языка в результате заимствования из английского языка слова *presentation* в значении «a speech or talk in which a new product, idea, or piece of work is shown and explained to an audience» [Oxford dictionaries] — «доклад или сообщение, в котором аудитории представляют новое изделие, идею или результат выполненной работы, и дают разъяснения». Также под влиянием английского языка (*multimedia presentation*) слово *презентация* стало употребляться и в значении «мультимедийный продукт, сопровождающий либо заменяющий устное сообщение, и позволяющий передать информацию получателю в наиболее удобной для восприятия форме».

Из сказанного выше следует, что слово *презентация* в современном русском языке обладает своим собственным концептуальным ядром лексического значения и своей сферой употребления, не совпадающим со значением и сферой употребления близких по значению исконных слов.

К аналогичным выводам приводит и сопоставление композита *топ-модель* со словосочетанием *лучшая модель*. Определительный компонент *топ-* заимствован из английского языка, в котором соответствующая именная основа *top* (от существительного методом конверсии образуется соответствующее прилагательное) имеет исходное значение 'верх' и ряд выводимых переносных значений. Среди значений прилагательного *top* имеется и значение 'лучший', однако качество в этом случае оценивается не непосредственно, а с точки зрения успешности, положения в рейтинге, либо с точки зрения места в иерархии, принятой в обществе и задающей его ориентацию на соответствующие образцы.

Значения слов *экслюзивный* и *исключительный* в современном языке также не совпадают не только в части коннотаций, но и в части собственно концептуального ядра. В некоторых контекстах может быть употреблено только прилагательное *исключительный*: *исключительная функциональность*, *исключительная долговечность* и т. п. Существуют и контексты, в которых нельзя заменить слово *экслюзивный* словом *исключительный*. Такая замена невозможна, помимо таких сочетаний, как *экслюзивное интервью* и *экслюзивный дистрибьютор*, во всех случаях, где данное прилагательное употребляется в значении, соответствующем

значению английского прилагательного *exclusive* — 'catering for or available to only a few, select customers; high class and expensive' ('предназначенный для немногих избранных клиентов, или доступный только таким клиентам; высококлассный и дорогой') [Oxford dictionaries].

В связи с соображениями о большем социальном престиже иноязычных слов по сравнению с исконными в исследованиях, посвященных проблемам новейших заимствований, выдвигается гипотеза о так называемом «повышении в ранге», которое определяется следующим образом: «слово, которое в языке-источнике именует обычный, «рядовой» объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному» [Современный русский язык... 2008: 171]. Однако предлагаемая Л. П. Крысиным трактовка примеров (слова *бутик*, *хостис* и *шоп*), приводимых им в подтверждение наличия данного явления в русском языке, вызывает серьезные возражения.

Так, сопоставление значений и примеров употребления слова *бутик* в русском языке и слова *boutique* в английском и французском языках достаточно убедительно опровергает предположение о «повышении в ранге» при заимствовании данного слова русским языком: В современных английском и французском языках слово *boutique* представлено в значении, идентичном значению соответствующей леммы в русском языке — 'небольшой модный магазин, торгующий одеждой и аксессуарами с фирменной символикой известных дизайнеров и модельеров'.

Аналогичным образом анализ имеющихся примеров показывает, что значение существительного *хостис* в русском языке в точности соответствует значению английского *hospice* — 'дом-интернат, обеспечивающий уход за пациентами с тяжелыми и неизлечимыми заболеваниями' ('a home providing care for the sick or terminally ill' [Oxford dictionaries]). При этом предположение Л. П. Крысина о том, что слово *хостис* в русском языке обязательно обозначает только дорогостоящую больницу, не подтверждается.

Еще менее подходящим для иллюстрации «повышения в ранге» представляется слово *шоп*, которое в современном русском языке употребляется либо в составе композитов «секс-шоп» и «интим-шоп», где имеет значение 'магазин', либо, гораздо реже, используется в отношении небольших и не самых респектабельных зарубежных торговых точек или когда требуется подчеркнуть претензии отечественного магазина на принадлежность к «западной» цивилизации в противопоставлении «доперестроечным» реалиям. В последнем случае по типу употребления данное слово сходно с так называемыми экзотизмами, (напр., *фазенда* в предложении *В воскресенье поеду на свою фазенду*), или иноязычными обращениями типа *мистер*, *мадам* (ср. *мадам Грицацуева*), которые употребляются в основном в иронических контекстах.

Таким образом, проведенное исследование приводит к следующим основным выводам:

- 1) между значениями иноязычных неологизмов и ближайших по значению исконных слов обнаруживаются расхождения денотативного характера, не имеющие отношения к престижности самих слов или их употребления;
- 2) при вхождении заимствованного слова в словарный состав русского языка неологизм обычно употребляется именно в том значении, которое уже имеется у слова-прототипа в языке-источнике;
- 3) любое изменение значения слова «на входе» в лексикон заимствующего языка должно расцениваться не как типичное явление, а как единичное исключение, требующее специального рассмотрения и объяснения.

Литература

- Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorp.ru>.
Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2008.
Oxford dictionaries: <http://oxforddictionaries.com>.

Неке карактеристике српских детопонимских презимена

М. С. Гочанин

Институт сербского языка Сербской Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Детопонимско презиме, топонимска основа, творбена структура

Summary. On the basis of material collected from the registers of births in Vrnjaka Banja in the period since 1904. to 1930. year, conducted a study in which the names given to the disputed considering semantic and morphological aspects patronimic appropriate basis (using the model presented in the monograph studies Prof. dr Gordana Vukovic and Prof. dr Ljiljana Nedeljkovic *Rečnik prezimena Šajkaške*). This paper discusses the toponymic surnames basis and analyze their formative structures.

На основу материјала, прикупљеног из матичних књига рођених у Врњачкој Бањи у периоду од 1904. до 1930. године, спроведено је истраживање у оквиру којег су презимена сагледавана с обзиром на семантички и морфолошки аспект одговарајуће патронимске основе (користећи се моделом представљеним у монографској студији проф. др Гордане Вуковић и проф. др Љилјане Недељков *Речник презимена Шајкашке*).

У овом раду разматраће се презимена са топонимском основом и анализираће се њихова творбена структура. Представити се презимена настала од назива градова, планина, брда, села, заселака, области или етника: 1) астионим: *Егерих* (← Егер, град у Мађарској [Михајловић 2002: 384]), *Сеничанин* (← Сјеница [Павловић 1948: 364]); 2) комоними: *Белобрђанин* (← Бело Брдо [Павловић 1948: 355]), *Биорац* (← Бихор [Павловић 1948: 364]), *Боћанин* (← Боће [Гавриловић 1846: 17]), *Брђанин* (← Брђане или Брђани [Гавриловић 1846: 19]), *Дубичанин* (← Дубица или Дубич [Гавриловић 1846: 53]), *Дубравац* (← Дубрава или Дубраве [Гавриловић 1846: 54]), *Жерађанин* (← Жерађа [Павловић 1948: 354]), *Кожетинац* (← Кожегин [Гавриловић 1846: 79]), *Левићанин* (← Левићи [Михајловић 2002: 677]), *Маскарац* (← Маскаре или Маскари [Гавриловић 1846: 102]), *Милопољцац*, *Мистопољцац* (← Мислопоље [Гавриловић 1846: 106]), *Новоселац* (← Ново Село [Гавриловић 1846: 113]), *Плањанин* (← Плана [Гавриловић 1846: 122]), *Постењац* (← Постење [Гавриловић 1846: 128]), *Предолац* (← Пределе [Гавриловић 1846: 41]), *Ратајац* (← Ратаје [Гавриловић 1846: 137]), *Ржаничанин* (← Ржаница [Гавриловић 1846: 140]), *Рсовац* (← Рсова [Гавриловић 1846: 143]), *Сеочанац*, *Сеочанин*, *Сочанац* (← Сеоце [Гавриловић 1846: 148]), *Стрменичанин*, *Стрменичанин* (← Стрменица [Гавриловић 1846: 166]), *Трнавац* (← Трнава, Трнавац или Трнавци [Гавриловић 1846: 175–176]), *Ћеличанин* (← Ћелија или

Ћелије [Гавриловић 1846: 179]), *Црноглавац* (← Црна Глава [Гавриловић 1846: 185]), *Чајетинац* (← Чајетина [Гавриловић 1846: 187]); 3) ороним: *Гочанин* (← Гоч, планина у Србији [Ивић 1971: 230]); 4) хороними: *Жупац* (← Жупа), *Жупчевић* (← Жупац > Жупа), *Косовац* (← Косово [Маројевић 1989: 63–65]); 5) етници: *Бошњак* (← муслиман из Босне), *Бошњакчић* [Шимуновић 1985: 25]), *Бугаринчић* (← Бугарин [Павловић 1948: 365]), *Грковић* (← Грк [Шимуновић 1985: 25]), *Дробњак*, *Дробњаковић* (← Дробњак, припадник старог племена из источне Херцеговине; простор који су насељавали припадници овог племена [Павловић 1948: 379]), *Ерац* (← ‘Ере’ — становници југозападних крајева [Павловић 1948: 367]), *Ерчевић* (← Ерац > Ера).

Творбена анализа потврдиће да су детопонимска презимена најчешће образована помоћу суфикса *-анин* / *-’анин*, *-ац*, а нешто ређе у њиховој творби учествују суфикси *-овић* / *-евић* и *-ић* који су у српској патронимији иначе врло продуктивни.

Литература

- Вуковић Г., Недељков Љ.* Речник презимена Шајкашке (XVIII и XIX век). Нови Сад, 1983.
- Гавриловић Ј.* Речник географско-статистички Србије (приредио Милорад Радевић). Београд, 1846.
- Гочанин М.* Антропонимија и патронимија Врњачке Бање 1904–1930. године (необјављени магистарски рад), 2006.
- Ивић П.* Из топонимике Србије, данашње и средњовековне // Из историје српскохрватског језика. Изабрани огледи II (издање из 1991. год.). Ниш, 1971.
- Маројевић Р.* О етимологији топонима Косово и етника Косовац и Косовар // Ономастолошки прилози. 1989. X. С. 63–65.
- Михајловић В.* Српски презименик. Нови Сад, 2002.
- Павловић Р.* Подибар и Гокчаница (студија) // Српски етнографски зборник. 1948. LVI. Београд
- Šimunović P.* Naša prezimena (porijeklo, značenje, rasprostranjenost). Zagreb, 1985.

Рус. диал. *благой* — балто-славянская лексическая изоглосса?

Л. П. Дронова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Энантисемиа, история, балто-славянские отношения

Summary. The problematic lexical-semantic isogloss including the Russian dialect *благой* ‘bad, unfit’, Ukrainian dialect *благий*, Belorussian *благі* ‘bad’ and Lithuanian *blagnas* ‘unfit, evil, bad’ (E. Fraenkel) when compared to the Mordovian *благый* ‘evil, angry (about thunder)’ from the folklore wedding formula (Baltic loanword) is determined with chronological certainty.

1. Традиция представления слова *благой* как энантисемичного идет еще от В. И. Даля («*Благий* или *благой* выражает два противоположных качества...»). Д. Зеленин, В. Хаверс (1946) полагали, что отрицательные значения возникли в результате описательного табуистического употребления. А. Г. Преображенский также говорит об энантисемии в данном случае как результате эвфемизации. Тождество слова *благой* 1 и 2 предполагают М. Фасмер, О. Н. Трубачев (ср. «...все-таки не кажется необходимым полное этимологическое разграничение слов *благой* (рус. диал.) ‘плохой, безумный, неразумный’ и *благой* ‘добрый’» [Трубачев 1972]; в ЭССЯ *благой* с «отрицательными» значениями не рассматривается). Подобная точка зрения представлена в историко-этимологическом словаре П. Я. Черных, где *благой* ‘плохой, дурной’ помечено как «устар.» и «обл.» к *благой* устар. ‘хороший’, ‘счастливый’, ‘полезный’, ‘доблестный’ [Черных 1994].

2. Обращает на себя внимание тот факт, что образования с корнями *благ-*, *блаж-* в отрицательнооценочных значениях

характерны только для восточнославянских языков. Лексикографические источники показывают давнюю функционально-стилистическую дифференциацию *благой* 1 и *благой* 2: в церковнославянских текстах *благий* (-ой) употребляется в значениях ‘добрый, хороший; приятный, красивый’, а в текстах бытового, делового характера *благой* — это ‘злой, свирепый’ (*благой* слон в «Хождении Афанасия Никитина», XV–XVI вв. ~ 1472 г.), ‘плохой, негодный’ (1689 г.: *Сказали про ту дорогу... что той Сухонной рѣкой не бывали тяжелье везы, а у нихъ той рѣкой кони грязли, сломывались по благимъ мѣстамъ*). С корнем *блаж-* употребительны в русском литературном языке *блаженный* ‘в высшей степени счастливый’ (*блаженно, блаженство, блаженствовать*), разг. ‘глуповатый, чудаковатый’ (*блажененький*; первонач. ‘юродивый’), *блажь* ‘нелепая причуда, прихоть, дурь’, в просторечии — *блажить* ‘поступать своевольно, сумасбродно; дурить’ (*блажной*). В результате анализа особенностей употребления слов на *благ-* в древнерусской письменности и привлечением данных диалектной русской лексики О. И. Смир-

нова [Смирнова 1966] соглашается с выдвигавшимся ранее предположением, что *благой* 'плохой' произошло путем переосмысления слова *благой* в значениях 'своенравный, злой' (которые образовались от *благой* 'святой, юродивый').

3. Этот вывод был скорректирован О. Г. Пороховой [Порохова 1968] на основании соотнесения типов семантических изменений в словах на *благ-*, *благж-* с ареалом распространения этих слов в «положительных» и «отрицательных» значениях, установления относительной хронологии рассмотренных семантических процессов. Результатом этого уточнения стало утверждение, что семантическое изменение 'святой, юродивый' → 'глуповатый' было исходным не для всех слов на *благ-*, *благж-* в отрицательных значениях: слова с таким значением характерны для великорусского (в словарях с XVI в.) и диалектов украинского, *блаженный*, *благой* в значении 'взбалмошный, злой' и *благшой*, *благжш* отсутствуют в украинском и белорусском, что дает основание предполагать их более позднее происхождение.

4. В современном белорусском *благі* 'нехороший, дурной, нездоровый', *благое* 'дурное' активно и в литературном языке, где *благі* является ближайшим синонимом *дрэнны* 'плохой' (ср. синонимический ряд *дрэнны*, *благі*, *кепскі*, *паганы*, *нядобры*). Ранее существование *благой* 'плохой' и его производных в современных украинском и белорусском языках и их диалектах (укр. *благий* 'благой, блаженный' и 'плохой', 'пустяковый', 'никудашный', 'незначительный', 'ветхий', 'немогущий', полес. *благий* 'плохой, старый, убогий', блр. *благі* 'плохой, скверный; нездоровый, нехороший на вид', *благое* 'дурное', *благжэць* 'худеть' и др.) подтверждается заимствованиями XVI в. из украинского в польский. Все это свидетельствует о том, что *благой* 'плохой' являлось принадлежностью древнерусского языка еще до разделения восточнославянских языков. К этому следует добавить, что в русских диалектах именно в северо-западных группы это прилагательное широко используется для определения неодушевленных предметов и явлений природы, выражая утилитарную оценку, — 'плохой, негодный, неудобный': петерб., новг. *Постройка-то уж благая*; пск. *Благое это весло*; твер. *Пашина благая* 'тяжелая'; влад. *Съезд больно благой*; пск. *Благие уши* 'плохой слух'; влад. *Благой домишко* и т. п. ([СРНГ]; Картотека СПбГУ).

5. Таким образом, *благой* в значении 'плохой' демонстрирует компактный ареал распространения: эта лексическая изоглосса объединяет северо-западный ареал восточнославянских диалектов. Предполагающиеся в данном случае внешнеславянские связи также связаны с этим регионом: Э. Френкель сравнивает рус. *благой* 'плохой' со ст.-литов. *blagnas* 'негодный, злой, плохой' при наличии литов. *blōgas* 'плохой, слабый', лтш. *blāgs* 'слабый, плохой, злой' как заимствования из славянских (собственно тех же сев.-зап. диалектов восточнославянских языков). Осторожно оценивает ситуацию в словаре балто-славянских сходжений А. Е. Ани-

кин, приводя раздельно *bolgъ 'добрый, хороший' и *bolgъ 'плохой, недобрый, скверный' и делая вывод о проблематичности реконструкции и этимологии *bolgъ 'плохой'. И действительно, нельзя не согласиться с этим: ведь и предположение лексической омонимии, и предположение этимологической омонимии оставляет нерешенным вопрос соотнесения временных и пространственных характеристик этого лексического явления при отсутствии надежных внешних сходжений для предполагаемой Э. Френкелем балто-славянской изоглоссы.

6. Некоторую определенность в этот вопрос вносит наблюдение Я. В. Василькова, полагающего, что в первой строке мордовской «коровайной песни», которая начинается мотивом грома и молнии, назначающих судьбу основным участникам свадебного действия (*Перть перть благый бурьгине*, что по-мордовски / эрзя буквально означает 'Вокруг-вокруг злой (сердитый) гром'), получил продолжение вариант древней индоевропейской поэтической формулы «основного мифа», проникший в мордовский фольклорный текст через балтское посредство [Васильков 1998]. *Бурьгине* здесь передает мордовское название бога грома Purgîne-pas, балтийское происхождение которого предположили Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров еще в работе 1974 г. [Иванов, Топоров 1974]. Для *благый* же Я. В. Васильков (со ссылкой на В. Н. Топорова) приводит балтийское соответствие *blōgas* 'плохой', *blōgubē* 'зло'. Наличие *благый* в мордовской фольклорной формуле с балтскими корнями не решает вопроса о непростых отношениях рус. диал. *благой* 'плохой' с балтийскими сближениями, но след мордовско-балтийских контактов в данном случае показывает хронологическую глубину рус. диал. *благой* 'плохой' и позволяет, как полагаем, развести его с *благой* 'хороший', отклонив энантиосемию.

Литература

- Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (*a- — *go-). Новосибирск, 1998.
- Васильков Я. В. Индоевропейская поэтическая формула в мордовском обрядовом тексте // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Порохова О. Г. Из истории лексики: Слова с корнем *благ-* (*благж-*) в русском языке // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С. 181–202.
- Смирнова О. И. Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 56–67.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- Трубачев О. Н. Рецензия на: Sadnik L.; Aitzemüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen // Этимология 1970, М., 1972.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.

Русские названия растений, производные от орнитонимов, на общеславянском фоне С. Ю. Дубровина

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)

Народная ботаника, культурная семантика растений, орнитонимы

Summary. In the present article are ornithological titles of herbs which analyzed. A material of most famed and classic, Russian and Slavic botanic dictionaries is in use. The comparative investigation of naming units at the common Slavic background approbate that internally present micro section folk botanic work not only system factors, but also single nominative ethnocultural contour factors, which according to archtype world view of native-speaker and the dialects.

В настоящем докладе подвергается этносемантическому исследованию один из участков ботанического словаря русского языка — славянские названия растений орнитологического происхождения. Задачей осуществленного исследования явилось выяснение причин мотивации тех или иных названий в связи с этнокультурными характеристиками птиц, моделирование терминов на основе принципов номинации общего для народной ботаники и частного характера.

Народная ботаника представляет собой специальную область знания, прежде всего, медицинскую и утилитарную,

вошедшую, малой своей частью, в профессиональное знание о медицине и свойствах растений. Народная ботаническая терминология, в свою очередь, влилась частично в литературные языки и научную ботаническую систематику.

Наши наблюдения о дикорастущих травах в этнической культуре обращены, прежде всего, к тому источниковедческому материалу, который, в силу реальности его существования и времени выхода в свет, отражает традиционные представления о растениях, птицах и народной медицине.

Курсивом выделяются диалектные и национальные научные названия.

Учитывая ограничения формата доклада, отразим в тезисах этнокультурные представления об одном из представителей пернатых — воробье — и проведем как можно более объективные сопоставления русской ботанической лексики на более широком общеславянском фоне.

Количество ботанических терминов, производных от основы «воробей», невелико: в «Ботаническом словаре» Н. И. Анненкова приводится около 10 названий, многие из которых принадлежат нескольким растениям сразу. При ознакомлении выявляются две наиболее яркие особенности номинации: во-первых, «воробьиные» травы реализуют сему уменьшительности («воробьиный шавель» — невысокий шавель; «воробьиное просо — крошечная травка *Anagallis*; «воробьятник» — мелкое растение вообще); во-вторых, они же указывают на дикорастущие виды, имеющие сходство с некоторыми культурами («воробьиный горох», «воробьиное просо»). Нельзя не заметить также, что «воробьиными» называются чаще всего гороховидные растения (*Coronilla*, *Vicia*, *Lathyrus*, *Medicago* и др.).

Единичные названия образованы на основе метафоры по сходству («воробьиные язычки») и употреблению (растение вида *Lysimachia*).

Интерес представляет атрибутивная составляющая названия *воробьиное просо* растения *Anagallis*, способного, по мнению сербского ботаника Д. Симоновича, вызывать хорошее настроение, что, в свою очередь, согласуется с фольклорным образом воробья — весёлого, молодцеватого парня, хвастуна, участника любовных походов. Интересно в связи с этим, что в медицине растение известно благодаря своим секреторным свойствам.

К мелким растениям (10–20 см высотой) относится *Lithospermum arvense* L., научное название которого «воробейник» совпадает с русскими народными — *воробейник*, *воробьино семя*, *горобейник*, *воробьиное зелье*, *воробьиное семя*, *воробьиное просо*, также *дикое семя*, *журавлиное семя* (Анненков 1878, 196). Очевидная связь научной номенклатуры с народной, а также тот факт, что растение в народе именуется «диким», позволяет предположить заимствование термина в национальную научную терминологию из говоров восточнославянских языков. Орнитонимное определение при этом призвано подчеркнуть второсортность *Lithospermum arvense* L.

Растение имеет твёрдые, сухие семена (иное его название — *деребьяка*). Об отличии семян *Lithospermum arvense* L. от семян других растений по твёрдости писал В. Махек: «а při lístku každem semíčko hladké... tvrdě, jako kámen f okružhle» («а при каждом листке семя гладкое... твердое, как камень, и округлое» — Махек, 187).

Русское название *воробейник* (Анненков 1878, 196, 257, 754, 772; СРНГ, 5, 105; Горст, 1894, 11 — *томск.*); Скалозубов 1904, 14 — *тобол.*; Мартынов 1882, 5 — *каз.*) находит соответствие в других славянских языках: «в сербскохорватском — *врабје семе, врабчије семе, врапсеме, птичје просо*; в чешском — *vrabí símě*; в польском — *wróble prosa*; в хорватском — *vrebče prosa*; в болгарском — *ptiči pruso*» (по: Machek 1954, 187; Zelinska 1957, 20, 58); *врабчево семе, врабчево семе* (Ахтаров 1932, 200; Козаров 1925, 441).

Название *воробьиное семя* может относиться и к другим видам: *Rumex acetosella* (сем. гречишных, *нижегор.*), *Potentilla argentea* L. (сем. розанных, *вор.*), *Viola tricolor* L., сем. фиалковых, *нижегор.* — СРНГ, 5, 105).

Воробьиным горохом называют виды вики — *Vicia sylvatica*, *Vicia villosa* (Анненков 1878, 380), *Vicia grassa* (Анненков 1878, 379; Симонович 1959, 497), *Vicia angustifolia* (Анненков 1878, 379), *Vicia sativa* (Симонович 1959, 497). Эти лесные растения с тонким голым стеблем и перистыми листьями, заканчивающимися усиками, с бело-розовыми цветами, очень похожие на настоящие горох. *Воробьиный горох* называют ещё «мышиным», что соответствует принципу обозначения мелких растений с помощью названий маленьких зверьков и птиц. (Ср. в русских говорах: *воробейчик* — «о мужчине маленького роста» — СРНГ, 5, 102).

В сербскохорватском языке виды *Vicia* называют ещё *птичьи, голубиным горохом* (Симонович 1959, 497), в чешском — *птачи vika*, в болгарском — *птича глушина, птичи фий* (*Vicia grassa* — Ахтаров 1932, 309), в украинском — *птуца вука* (Machek 1954, 126); а в русском — *гусенцом*, (Симонович там же, без указ. места), по-видимому, оттого, что *Vicia* едят гуси. Как мы видим, в данном случае славянские названия объединяет общая семантическая модель: «дикое растение — птичье растение», чрезвычайно продуктивная в группе орнитологических фитонимов.

Не исключая вероятность «птичьих» названий вики под влиянием европейских Травников и Лечебников (ср. лат. *vicia*, ае, f 'бобовина, журавлиный горох' — Петрученко 1994, 698); следует отметить, что единство модели образования и множественность русских диалектных и иных славянских названий свидетельствует о приоритетности славянского происхождения наименований этого растительного рода.

Словарь народной ботаники предстаёт перед нами как раскрытая книга природы, вобравшая в себя именованья, образы и понятия древнего славянского и христианского миров, опыт выживания, лечения, биологических взаимосвязей и метких характеристик, без которых невозможно осмысление неизмеримого мира живых существ, в центре которого находится человек.

Семантика анализа именица *кућа* и *дом* у српском језику

С. Ж. Ђуровић

Универзитет у Крагујевцу (Крагујевац, Србија)

Семантика, синоними, кућа, дом

Summary. This paper will present the results of a semantic analysis performed on the polysemantic nouns house (Ser. *kuća*) and home (Ser. *dom*) by delineating and comparing their primary and secondary meanings. The polysemantic structure of both lexemes can essentially be attributed to their functions — they denote staying, living, dwelling and performing various actions. Nevertheless, the semantic differentiation between the two is unambiguous. Home connotes shelter, family and safety, whereas house is primarily a building to live in. Apart from the semantic analysis, the paper also aimed to examine the synonymous relationship between the nouns in question, given that Serbian linguists hold differing views regarding their absolute or relative synonymy. Furthermore, as house and home are variational synonyms (Serbian vs. Croatian), the material excerpted from the corpus of the 20th century publicistic and literary works will show what the lexical and semantic status of these two nouns is in the contemporary Serbian language. In a separate analysis, we looked into the target lexemes which feature in institutional or business names (e. g. *Kuća lepote* — Eng. House of Beauty, *Auto kuća* — Eng. House of Cars etc. and *Dom zdravlja* — Eng. Medical Center / Health Clinic, *Studentski dom* — Eng. dormitory and the like) to identify their distribution in these phrases, as well as the key semantic components which decided it.

Семантика анализа именица *кућа* и *дом*, које имају полисемантичку структуру, извршена је тако што су анализирана и упоређивана њихова примарна и секундарна значења. Од пресудног значаја за стварање полисемантичке структура обе лексеме била је њихова функција — пребивање, живљење, становање и обављање разних делатности. Ипак, семантичка диференцијација је јасна. *Дом* конотира уточиште, породицу и сигурност, а *кућа* је првенствено грађевина за становање.

Лексема *кућа* је полисемантична реч и РСАНУ бележи 26 семантичких реализација ове речи и око 60 фразеологизама. Примарно значење је *грађевински објекат, зграда за пребивање, становање или какву друштвену потребу*. Богата полисемантичка структура ове лексеме заснована је на метафоричком и метонимијском повезивању куће са најразличитијим конкретним и апстрактним деловима стварности. Значења добијена метафором указују да је за језик *кућа* важна као оквир унутар ког се одвија живот. На

основу анализированных значења из Речника САНУ закључујемо да лексема *кућа* може бити семантички реализована као просторија у којој се одвија живот, предмети за вођења домаћинства, људи који у кући живе или из ње потичу, установа, зграда у којој је та установа смештена, територија на којој је и говорничка кућа.

У РСАНУ уз лексему *дом* забележено је 7 значења. Примарно значење је *кућа као место где човек живи са својом породицом*. Секундарна значења ова лексема развија путем метафоре и метонимије. Метафора се успоставља по следећим семантичким компонентама ове лексеме: *дом као место живљења* и *дом као место обављања каквих послова*. Метонимија се заснива на логичкој вези: *дом — они који у њему живе*.

Лексеме *дом* и *кућа* у највећем броју случајева поклапају се у секундарним семантичким реализацијама. И *кућа* и *дом* су превасходно зграде у којима се станује. Без обзира на врло сличан семантички потенцијал, говорници српског језика осећају разлике између *куће* и *дома*. *Дом* се мало више одваја од грађевине и изразитије конотира уточиште, породицу и сигурност. Иако је семантички потенцијал ових лексема готово идентичан, постоји разлика између *кућне хаљине* и *домаће хаљине*, *домаће производње* и *кућне производње*.

Поред семантичке анализе, циљ рада било је и преиспитивање синонимног односа ових именица (опречна су мишљења у србистици да су то апсолутни или релативни синоними), а с обзиром на то да су *кућа* и *дом* и варијантни

синоними (српски језик:хрватски језик) у раду је на примерима из корпуса, који чине примери из публицистике и књижевности 20. века, представљен њихов лексички и семантички статус у савременом српском језику.

Посебно су анализирани примери за називе установа са овим именицама (нпр. *Кућа лепоте*, *Ауто кућа* и сл. и *Дом здравља*, *Студентски дом* и сл.) како би се утврдило каква је њихова расподела у овим називима и које семантичке компоненте су биле пресудне за дате називе.

Литература

- Бартмићки Ј. Језик-слика-свет: Етнолингвистичке студије / Приредно Дејан Ајдачић; превела Марта Бјелетић. Београд, 2011.
- Гортан-Премк Д. О лексичкој синонимији // НССУВД. 1992. Књ. 22/2. С. 5–11.
- Гортан-Премк Д. Полисемија и организација лексичког система у српском језику // Институт за српски језик САНУ, Библиотека Јужнословенског филолога. 1997. Књ. 14.
- Лалевић М. Синоними и сродне речи српскохрватског језика // Лексикони Свезнање. 1974. Књ. 1. Београд.
- Марковић Р. Гранање значења речи које означавају кућу и њене делове // Наш језик. 1991. 29. Св. 1–2, 55–77.
- Матијашијевић Ј. О синонимији и синонимима // Лексикологија и лексикографија. Зборник реферата. Београд; Нови сад, 1982. С. 115–130.
- Питер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Део 1. Од стимуланса ка реакцији. Београд, 2005.
- РМС — Речник српскохрватског књижевног језика. Матица српска. Нови Сад, 1967–1976.
- РСАНУ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–.

Аппроксиматоры в русском и в английском языках

Т. П. Желонкина

Балтийский федеральный университет (Калининград, Россия)

Аппроксимация, лексические средства выражения

Summary. Lexical means of expressing approximate meaning both in Russian and in English are analyzed in this article. A function of approximation is described in the text.

Явление аппроксимации — приближительного наименования предметов, признаков и отношений, действий и явлений окружающего мира — является важным языковым феноменом. По мнению лингвистов аппроксиматоры — это группа единиц приближительной номинации, которые помогают говорящему избежать точного именования объекта, признака отношения, а также факторов, способствующих однозначной коммуникации [Болдырев, Дубовицкая 2006: 56].

Индивидуальные особенности человеческого восприятия, а также сама реальная действительность со всем многообразием существующих процессов и явлений служат причиной наличия в человеческом сознании множества пробелов, вызванных различными причинами: незнанием точных фактов, большим потоком информации, забывчивостью говорящего и т. п. Человек как бы избегает именовать предметы и явления точно, следствием чего является появление приближительности в языке.

Исследователи отмечают, что в русском языке аппроксимативные конструкции, передавая значение приближительности, имеют свои структурно-семантические особенности: числительные в постпозиции, лексические конкретизаторы (еще), вводные конструкции или слова [Лаврик 2008: 111]. Употребление их в русском языке весьма частотно: *Отчасти, он прав. Они встретились около трех часов. Зеленоватый цвет моря. Я немного не дотянул до цели. По крайней мере, есть шанс встретить его там. Если я не ошибаюсь, мы встречались прежде*. Цель использования таких конструкций — передать значение неуверенности, сомнения. И. Г. Никольская, описывая различные способы выражения семантической категории «сомнение» в русском языке, отмечает у «сомнения» различные типы категориальных ситуаций, в том числе «сомнение-приближительность» [Никольская 2009:198]

Исходя из утверждения, что в силу ряда причин человек в своей речевой деятельности может неточно, приближительно именовать по сути любые элементы или фрагменты дей-

ствительности, следует, что областью приближительной номинации могут выступать предметы и объекты; временные отрезки; расстояние; физические параметры человека или животного (возраст, рост, вес); параметры неодушевленных предметов (срок, высота, масса, объем, вес) и т. д.

Сопоставление средств выражения приближительности в русском и английском языках выявляет сходные черты. В английском языке значение приближительности вербализуются аналогично: *He earned a sizable chunk of money off that project. Approximately 13.2 million 18–29 year olds are without insurance, 30% of that population. Throughout luncheon they talked, without stopping, of Mrs Simpson, but they all, or nearly all, came back with her to the gallery. It would be wrong, not to mention kinda boring and phony, to even attempt otherwise. I am fairly certain. Almost devilish. He is youngish for the presidency. He was within a hairbreadth of death. There were perhaps a dozen women in the audience. Hundreds — maybe thousands people — were killed. The room was large, perhaps twenty feet square*. В роли аппроксиматоров в английском предложении выступают существительные, наречия, числительные, прилагательные, модальные слова, идиоматические выражения. Использование словообразовательных элементов характерно как для английского языка (*We met at sevenish*), так и для русского (*сероватый*).

Существует мнение, что аппроксиматоры можно рассматривать как семантически пустые элементы, функция которых состоит лишь в упрощении семантики предложения [Zadeh 1965: 347]. По мнению сторонников предложенного Л. Заде радикально прагматического подхода, природу аппроксимации можно объяснить только в рамках прагматики, поскольку сами конструкции с аппроксиматорами неинформативны или лишены какого-либо семантического содержания. Дж. Лакофф, размышляя над предложениями и концептами естественного языка, утверждает, что «предложения (по крайней мере, утвердительные), подобны концептам, им также присущи неясные и размытые границы,

в большинстве своем они ни правдивы, ни ошибочны, ни бессмысленны; но на самом деле они правдивы и ошибочны в определенной степени за счет использования языковых средств, способных описать размытые границы языковых категорий.» [Lakoff 1973: 60] Такие языковые средства Дж. Лакофф назвал словом «hedges». По его мнению hedges дают возможность говорящему высказываться относительно степени принадлежности какого-либо объекта к той или иной категории. Отсюда напрашивается вывод, что, возможно, описываемое явление (hedging) представляет собой языковой идентификатор степени размытости, непостоянности и неоднородности категориальных границ аппроксимации как особого способа осмысления и интерпретации явлений окружающего мира.

В условиях межличностного общения, стремясь избежать участника коммуникации от ситуации дискомфорта, говорящий намеренно прибегает к аппроксимативному способу выражения: *Ты не возражаешь, если мы сделаем это вместе?* вместо категоричной формы *Ты обязан мне помочь!* Такой способ общения разряжает конфликтную ситуацию, и не только помогает избежать категоричности, но и помогает соблюсти вежливость.

В СМИ журналисты часто и намеренно прибегают к аппроксимантам при описании событий, особенно при передаче непроверенной сенсационной информации. Это созда-

ет впечатление недостоверности, неточности описываемого с одной стороны, и уход от ответственности за достоверность фактов с другой.

В заключение следует сказать, приближительная номинация играет важную роль в коммуникативной деятельности человека как в русском, так и в английском языках. Она расширяет номинативный потенциал языка.

Литература

- Болдырев Н. Н., Дубовицкая Е. Ю. Когнитивный механизм формирования смысла «приблизительность» // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. Тамбов, 2007. С. 55–60.
- Лаврик Э. П. Особенности согласования в аппроксимативных конструкциях // Известия ВГПУ. Ставрополь, 2008. С. 109–112.
- Никольская И. Г. Выражение семантики сомнения в современном русском языке // XXXVI Международная филологическая конференция: Сборник. Вып. 19. СПб., 2008. С. 197–201.
- Lakoff G. Hedges: a Study of Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. NY, 1973. № 2. P. 47–79.
- Zadeh L. Fuzzy Sets // Information and Control. NY, 1965. № 8.
- Иллюстративный материал на английском языке взят из газеты The Independent: <http://www.independent.co.uk> (дата обращения: 03.10.2011).
- Иллюстративный материал на русском языке взят из периодического издания «Российская газета» за февраль–июнь 2011 г.

Неосемантизация лексики и ее роль в стратификации лексикона

Е. А. Карпиловская

Институт украинского языка НАН Украины (Киев, Украина)

Language dynamics, lexicon, neosemantization, stratification

Summary. The problem of neosemantization, i. e. development of semantics of a word and influence of new meanings on the structure of language system, formation new stratum in it is considered in the report. The main attention is concentrated to the analysis of sources and ways of formation of new meanings. The facts of proper semantic inword derivation are partitioned off from new hidden loans in the process of neosemantization.

1. В условиях стремительной глобализации славянского мира остро стоит проблема сохранения национальной самобытности славянских языков, поддержание в их развитии равновесия между открытостью к межкультурным и межязыковым контактам и ориентацией на собственные ресурсы и способы номинации. Особенно важно обеспечение такого равновесия для тех языков, которые, как, например, украинский, долгое время не развивались в полном спектре функций, свойственных национальному языку. Языковедам и в целом культурной украинской общественности сегодня приходится буквально «на марше» решать вопросы развития украинского языка как государственного в новых для него сферах употребления и в то же время анализировать и осмысливать тенденции обновления традиционных его функционально-стилевых разновидностей.

2. Неосемантизация, или появление в семантической структуре слова новых значений, является сегодня в украинском языке одним из мощных механизмов пополнения его лексикона. Считаем этот термин по объему содержания шире, чем общепринятые *вторичная номинация*, *семантическая*, или *внутрисловная деривация*. Он охватывает и формирование новых значений на родной почве в структуре уже имеющихся слов, и появление новых заимствованных слов-значений (первичных и вторичных), и независимую межсловную деривацию с повторным использованием той же модели словообразования. Таким образом, термином *неосемантизация* можно обозначить все результаты обновления семантики слова на определенном этапе развития языка [Карпиловська 2008].

3. В современном украинском языке представлены все выделенные выше типы неосемантизации лексики. Проявления собственно семантической, внутрисловной деривации особо важны в контексте задач поддержания национально-языковых моделей номинации. Именно они прежде всего позволяют судить об активности и продуктивности тех или иных моделей и средств развития семантики слова. Обращает на себя внимание регулярность некоторых семантических преобразований, превращение отдельных явлений в

тенденции развития семантики украинских слов. Например, ныне активно протекает процесс развития качественных значений у относительных прилагательных, свойственный и другим славянским языкам [Земская 2004]. Подобные значения приобретают как бесприставочные, так и приставочные прилагательные, исконные и заимствованные давно или недавно: *крутий, резонансний, модельний, профільний, пілотний, платиновий* и *нетрадиційний, неформатний, небюджетний*. К таким же регулярным семантическим переходам можно отнести и формирование экспрессивно-оценочных значений у колоративов: *сірий* «фальшивый, поддельный (паспорт, импорт, бюджетная схема)». Продуктивности пополнения этого разряда неосемантизмов активно способствует пестрая картина политической жизни современной Украины с разнообразной цветовой гаммой атрибутики различных политических партий, союзов, блоков: *помаранчевий* «связанный с Оранжевой революцией 2004 г.», *синьобілий* «относящийся к «Партии регионов». Многие из таких колоративов склонны к субстантивации и обозначают представителей определенных политических сил: *помаранчеві* «члены партии «Наша Украина», *синьобілі, біло-блакитні, сині* «члены «Партии регионов».

4. Органичное вхождение многих неосемантизмов в украинский лексикон усложняет задачу определения их происхождения. Их можно рассматривать и как результаты семантической деривации, и как скрытые заимствования, т. е. заимствование нового значения для слова, форма которого уже знакома носителям языка-реципиента. Для определения источника появления неосемантизма необходимо установить наличие / отсутствие его связи с уже имеющейся семантической парадигмой слова или же с реалиями украинской действительности. Формирование такого собственно украинского неосемантизма демонстрирует новое значение давнего тюркизма *майдан* «акция протеста против действий власти», в основу которого положены события ноября 2004 г. на центральной площади Киева — *Майдан Незалежності* «Площадь Независимости». Сегодня на базе этого значения сформировалось лексико-словообразовательное

гнездо слів з різними оціночними коннотациями: *май-данник / майданівець, майданний / майданівський, майданити, помайданити, домайданитися, автомайдан, автомайданник, бензиновий Майдан, податковий Майдан, платні майдани* і др.

В отличие от слова *майдан* неосемантизм *сірий* следует рассматривать как результат нового скрытого заимствования из английского языка, ср. англ. *grey area (of economy)* «серая зона (экономики)», *grey import(s)* «серый импорт (товары)», *grey knight* «серый рыцарь», *grey propaganda* «серая пропаганда», *grey market* «серый рынок». Семантическая структура украинского прилагательного *сірий* ранее включала иные оценочные значения: «малокультурный, малообразованный», «неинтересный, примитивный», «рутинный» (*сіра людина* «серый человек», *сіре животиння* «серое прозябание», *сірий твір* «серое произведение») Таким образом, в украинском языке почва для появления значения «фальшивый, поддельный» отсутствовала. В то же время наличие оценочных значений «законный: незаконный, подпольный» у антонимов *білий* и *чорний*, по отношению к которым *сірий* выступает в таком значении как мезо-

ним, убеждает в наличии почвы для закрепления такого неосемантизма и в самом украинском языке. Неосемантизмы принимают активное участие в углублении стратификации современного украинского лексикона: формировании новых лексико-словообразовательных гнезд, синонимических рядов, антонимических, омонимических, паронимических и гипонимических объединений, новых тематических парадигм.

5. Анализ тенденций неосемантизации лексики, установление продуктивных типов неосемантизмов дают возможность определить их роль в дальнейшем развитии украинского лексикона, а также в целом структуры и системы украинского языка, выйти на важные рекомендации относительно нормирования и кодификации лексикона.

Література

- Земская Е. А. Относительное прилагательное как специфический класс производных слов // Земская Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004. С. 158–196.
- Карпіловська С. А. Тенденції оновлення сучасного українського лексикону // Клименко Н. Ф., Карпіловська С. А., Кислюк Л. П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. Київ, 2008. С. 6–133.

Вплив повторних запозичень на структурування лексико-семантичних полів у сучасній українській мові

Л. Кислюк

Інститут української мови Національної академії наук України (Київ, Україна)

Повторне запозичення, лексико-семантичне поле, функціональний потенціал

Summary. The phenomenon of the repetitive borrowings is considered in the modern Ukrainian. The repetitive borrowings with different meaning are found to demonstrate the development of the lexicon structure on the basis of the neosemantisation of the foreign lexica already known and assimilated.

Ознакою сучасних процесів запозичення є явище повторного або прихованого запозичення, де уже відома носіям мови форма починає функціонувати з новим значенням. Найчастіше в українську мову повторно проникають давні латинізми через англійську мову, що призводить до зміни форми іншомовної одиниці. Як наслідок, 1) перше запозичення може втрачати актуальність і переходити у пасив, 2) за умови тотожності форми обидва запозичення співіснують як омоніми чи багатозначна лексема, 3) за умови видозміни форми такі одиниці функціонують як різні лексеми. Адаптуючись до системи української мови в цілому, вони впливають і на саму систему: з'являються нові елементи, видозмінюються структурні зв'язки між новими і старими елементами.

Неадаптована лексема *промоушен* (англ. *promotion* — просування по службі) — 1) підтримка, патронаж; 2) сприяння просуванню товару до споживача, поширення чогонебудь, досягнення кимось творчих успіхів [ССІС–2006: 565] є повторним запозиченням, оскільки в українській мові відомий латинізм *промоція* (від лат. *promotio* — просування) — „надання, присудження вищого наукового ступеня” („підвищення в урядуванні”), зафіксований у СЧС–32, СІС–85, ССІС–2006 (в останньому — з ремаркою *застаріле*).

Повторне запозичення *промоутер*, *промоушен* виявляє в українській мові певний функціональний потенціал і, підтримане давніми запозиченнями *промотер*, *промоційний*, *промоція*, *промувати* із загальним значенням „улаштування, підвищення, просування” [СЧС–32: 352], у яких можна вичленувати основу *промо- / пром-*, обростає похідними: *промоутерський*, *промо-кампанія*, *промо-акція*, *промо-зусилля*, *промо-кліп*, *промо-ролик*, *промо-тур*.

Українська кінофундація обіцяла *піарити наші картини через рекламні матеріали та промо-акції...*; *ніякими промо-зусиллями затягти це ім'я на поле літератури неможливо; відзняли промо-кліп на загальновідомої пісню; канали запустили промо-ролики, авторські проекти; промо-тур актриси обставлений «за голлівудськими стандартами»...* Усі приклади тут і далі подано з КФІ — комп'ютерного фонду лексико-словотвірних інновацій у сучасній українській мові з відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України,

за текстами українських ЗМІ 2004–2010 рр. обсягом понад 20 тисяч одиниць.

У ЗМІ вживається й окреме слово *промо: розглядаю як промо проекту „Шанс”*.

Можна говорити й про активізацію давніх запозичень *промоція*, *промоційний* у нових для них сферах реклами, шоу-бізнесу, де вибудовуються нові відношення між новими й уже наявними елементами на рівні словосполучень і речень: *...це не зовсім промоційна програма; Що це за промоційний проект? Як повідомляє керівник відділу промоції Львівської міськради Ксенія Курилишин, промоційна кампанія стартує 17 жовтня.*

На позначення активно творчого процесу, потенціалу в будь-якій галузі у ЗМІ, рекламі активно вживають неозапозичення з англійської мови *креативний*, *креатив*, *креативність* (пор.: англ. прикметник *creative*, іменник *creativity* від дієслова *create*), яке теж є повторним, оскільки в українській мові є давні запозичення з цієї основою безпосередньо з латини. Пор. *креатура* (від лат. *creatura* — творення, створіння) „людина, що за догоджування завдяки впливовій протекції посідає визначне місце” [СЧС–32, 224]; „ставлення впливової особи, слухняний виконавець її волі” [СІС–85: 460], *креаціонізм* (від лат. *creatio* (*creationis*) — створення) напрям у біології, який пояснює створення світу актом божественного творіння [СІС–85: 460], *рекреативний*, *рекреаційний*, *рекреація* — поняття, так чи інакше призначені для відпочинку [СІС–85: 710].

Повторні запозичення з іншим аспектом поняття демонструють розвиток структури лексикону на базі неосемантизації вже відомої і давно засвоєної іншомовної лексики. Нову номінацію *креатив*, ще не зафіксовану загальномовними словниками, у мовній практиці розуміють як „творчі ідеї”. У словотвірному плані — це утворений способом усичення іменник (пор.: *негативний* — *негатив*). *Креативність* — це також термін, який увійшов у концептуальний апарат багатьох наук, зокрема й лінгвістики. *Лінгвокреативність* як мовна творчість — це створення нового тексту або слова або нетривіальний вибір одного з наявних у мові й відомих мовцю засобів конструювання образу об'єкта. Оновлена основа втягнута в аспектуалізацію інших понять: якщо раніше вона стосувалася сфер біології чи відпочинку,

то сучасна терміносфера охоплює моду, музику тощо: ...*стартував Український тиждень моди, на якому аж ніяк не бракує креативності та насиченості; ...вони мають продемонструвати пластичність, креативність, відкритість новим тенденціям у поп-музиці.*

Відбувається нове структурування лексеми *креативний*: зв'язки з іншими полями (парадигмами, категоріями), вибудовування нових відношень у лексиконі: *Вона відповідає телеканалу; ...офіс у Києві як певний центр креативного театрального проектування; 3 квітня в Україні почало роботу агентство креативних комунікацій; стала креативним директором компанії; в Україну прибув креативний менеджер фірми; ...мати якусь з таких картин вдома — дуже приємно і креативно; проект Луценка є більш привабливим: там веселіше, там креативніше...; ...хтось креативніший зробить із цього гарну рекламу....*

Восточнославянская археологическая терминология конца XX в.: когда российские археологи получают собственный научный словарь?

Ю. Г. Кокорина

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Археологическая терминология, словари, языковая ситуация, науковедение

Summary. This work is devoted to the comparative analysis of archaeological dictionaries in Russian, Belarus and Ukrainian languages. It is pointed out to the question on necessity of the edition in Russian the archaeological dictionary on change translation from English is brought.

Уровень развития науки определяет развитость ее терминологии, организация ее терминов в стройную систему, которую в лингвистике принято называть терминосистемой. О том, что терминосистема имеет место, свидетельствует наличие и качество словарных изданий по данной науке. Все сказанное относится и к археологии. В последнее время на территории России, Украины и Беларуси наблюдается своеобразный «словарный бум», когда количество изданий не всегда соответствует их качеству, и подлинно научных словарных изданий публикуется крайне мало. Целью данной работы является сравнительная характеристика трех научных словарей, охватывающих все разделы археологии. Эти словари изданы в России, на Украине и в Беларуси соответственно на русском, украинском и белорусском языках. Следует сразу же отметить, что на русском языке издан перевод с английского, а собственного словаря российские археологи не имеют, и проблема его создания до сих пор не решена.

Целесообразно начать сравнение с объема каждого издания. Так, объем «Археологического словаря» (авторы У. Брей и Д. Трамп. М., Прогресс, 1990), «Словника-довідника з археології» (Київ, Наукова думка, 1990) составляет 300–350 страниц (число словарных статей не указывается), тогда как в энциклопедии «Археология и нумизматика Беларуси» (Археологія і нумізматыка Беларусі. Мінск, «Беларуская Энцыклапедыя» імя Пятруся Броўкі, 1993) на 702 страницах размещено 2384 словарных статьи, из которых нумизматике посвящено 419. Все три издания имеют алфавитный принцип построения.

Что касается характера информации, необходимой археологу, то каждое издание имеет статьи, посвященные археологическим категориям — алебарда, акинак, бармица, берестяная грамота, ковш, меч и т. п. Статья энциклопедии, посвященная, например, мечам, содержит сведения по истории этих предметов и истории их открытия, а также ссылки на их находки на территории Беларуси и Руси. Словарь на русском языке содержит информацию о ряде категорий, но основанную на иностранном материале, и уступает в этом плане украинскому и белорусскому изданиям. Если в энциклопедии рассмотрены проблемы возникновения и развития таких значительных категорий материальной культуры, как обувь, одежда, изделия бондарей, то в словаре таких статей вообще нет. Наряду с технологиями в энциклопедии рассмотрены такие фундаментальные проблемы археологии как освоение человеком камня, железа, обработки шкуры.

Словотвірна реалізація основи *креатив-* у полі через базові словотвірні категорії: ознаки, дії, виконавця дії, результату дії, місця дії демонструє тяжіння до максимального заповнення лакун у їхній реалізації, особливо, якщо творення похідних передбачено регулярними, нормативними словотвірними моделями: *креативний, креативувати, креативник, креативниця.*

Активність повторних запозичень можна розглядати як тенденцію в сучасній українській мові.

Література

- СЧС–32 — Бойків І., Ізюмов О., Калишевський Г., Трохименко М. Словник чужомовних слів / За ред. О. Бадана-Яворенка. К.; Х. 1932.
 СІС–85 — Словник іншомовних слів / За ред. О. С. Мельничука. 2-е вид. К., 1985.
 ССІС–2006 — Сучасний словник іншомовних слів / Укл. О. І. Скопченко, Т. В. Цимбалюк. К., 2006.

В словаре, которым пользуются российские археологи, подобных статей нет, есть только краткие справки о тех или иных материалах — керамике, стекле, железе.

Авторы энциклопедии, что выгодно отличает ее от справочных изданий, которыми пользуются российские и украинские археологи, дали определения, и, что особенно ценно, привели краткую историю отдельных дисциплин, достижениями которых пользуется археология — например, антропология и такого ее отдела как адантология, антропометрия, остеология.

«Археологический словарь», переведенный на русский язык, содержит статьи, посвященные отдельным археологическим памятникам и археологическим культурам, как и статьи энциклопедии и словаря-справочника, но, опять же, в основном зарубежным. Незначительные по объему статьи, посвященные археологическим культурам России — древнеямной, трипольской, днепро-донецкой, скифской, сарматской, среднеднепровской и другим, вставлены российскими археологами при издании словаря и не отражают всего разнообразия археологических памятников и культур России.

Авторы энциклопедии уделили внимание и теоретическим проблемам археологии — таким, как антропогенез, выделение археологических типов, определение понятия «археологическая культура». В «Археологическом словаре» есть статьи об инструментальных методах археологии — радиоуглеродном, споро-пыльцевом анализе, стратиграфии, но статей теоретического характера нет.

Уделено внимание в энциклопедии и раскрытию этапов полевого исследования — подробные статьи посвящены таким явлениям, как открытый лист, опросный лист (анкета), археологическая разведка, археологическая экспедиция, архитектурно-археологический комплекс, чего нет в российском и украинском справочных изданиях.

Имеются статьи в словаре о выдающихся людях древности (*Салманасаре, Рамсесе, Хефрене* и др.), в них приведены краткие биографические данные и связанные с указанными лицами памятники, но, опять же, рассматриваются только зарубежные исторические лица. Даны биографии знаменитых археологов — *Ф. Пютри, А. Эванса, Г. Чайлда* и др., указаны их основные труды и отмечен вклад в археологическую науку. Но внимание уделено иностранным ученым, тогда как в энциклопедии на белорусском языке значительное место занимают статьи, посвященные археологам, работавшим на территории Беларуси, внесшим значительный вклад в ее науку.

Как едно из достижения авторского коллектива энциклопедии можно назвать статьи, посвященные истории развития археологии в Беларуси и соседних странах, таким журналам как *Acta Baltico-Slavica*, «Археология», ныне выпускаемому ИА НАН Украины, «Белорусская археология» и другим. В рассматриваемых русском и украинском археологических изданиях подобных статей нет.

Несомненную ценность составляют приложения к «Археологическому словарю» — геологическая шкала, таблицы иллюстраций и цветные фотографии, географические карты с указанием расположения основных зарубежных археоло-

гических памятников. Словарь имеет Именной указатель и Указатель археологических культур и памятников, а также Региональный указатель, в котором памятники расположены по континентам, внутри континентов — по регионам.

Подводя итог, можно указать на несомненную важность перевода словаря У. Брея и Д. Трампа на русский язык, но информация, содержащаяся в нем, более важна для ученых, изучающих зарубежную археологию, чем для российских археологов. Российским археологам необходим собственный археологический словарь, тем более, что имеется опыт создания таких трудов на белорусском и украинском языках.

Нови имена за действия в българския език¹

Н. Костова

Българска академия на науките, Институт за български език (София, България)

Неологизми, съществителни имена, български език

Summary. The paper deals with new nouns for actions in Bulgarian. It was detected that the largest group of nouns are formed with the suffix *-ne*. These nouns are used more often than verbs which they are semantically associated with. The study finds out that some neologisms with suffixes *-ne* and *-ция* not correlate with verbs, but were formed from nouns.

Неологичните процеси са най-интересните и динамични процеси в лексикалната система на езика. Създаването и заемането на нова лексика е обусловено от екстралингвистични фактори — развитие на компютърните и информационни технологии, на обществените отношения, политиката, икономиката, търговията, банковото дело и т. н. В доклада се разглеждат новите съществителни имена в българския език, с които се назовават новите действия, процеси и явления. Тъй като представянето на действия се осъществява главно с глаголи, прави се съпоставка между новите имена за действия и новите глаголи.

Материалът за изследването е ексцерпиран от *Речник на новите думи в българския език* (РНД), който съдържа около 4300 новосъздадени или новозаети думи. Използвани са също данни от *Българския национален корпус* (БНК), който до момента има обем от около 400 милиона графични думи.

Установено бе, че най-голямата група нови имена за действия в българския език са образувани със суфикс *-не*. В граматиките тези съществителни имена се определят като отглаголни съществителни имена, а някои специалисти ги наричат дори глаголни имена, понеже „се образуват регулярно, без изключение от всеки глагол“ [Георгиева 1970: 159]. От направеното проучване стана ясно, че към всички 298 нови глаголи, включени в РНД, има неологизми със суфикс *-не*. Често обаче тези съществителни имена са много по-употребими от глаголите. Например *банкиране* се среща 1047 пъти в БНК, докато за формите на глагола *банкирам* има само 10 примера. Този факт е намерил отражение при тълкуване на неологизмите в РНД — с описателни дефиниции са представени лексикалните единици с по-голяма фреквентност, а лексемите с по-малка фреквентност са отнесени към тях: *банкирам* — ‘извършвам банкиране’, *банкиране* — ‘съвкупност от дейности, свързани с управление на банкови сметки и извършване на банкови операции’.

Друга голяма група нови имена, означаващи действия, са образувани със суфикс *-ция*. Тези съществители са в конкуренция с неологизмите със суфикс *-не*, а също и с новите глаголи: *глобализация* 1311 примера в БНК, *глобализиране* 36, *глобализирам* 59, *визуализация* 192, *визуализиране* 54, *визуализирам* 119, *кирилизация* 7, *кирилизирание* 3, *кирилизирам* 2. В тези случаи се наблюдават деривационни връзки без ясно определена посока на мотивацията [Радева 2010: 246].

Въпреки че означават действия, има неологизми със суфикси *-не* и *-ция*, които не се съотнасят с глаголи. Те са словообразователно и семантично мотивирани от съществителни имена, например *брокериране* — *брокер*, *акционизиране* — *акционер*, *интернетизация* — *интернет*, *монетизация* — *монета*, *анклавизиране*, *анклавизация* — *анклав*. Това езиково явление е отдавна известно на българските лингвисти и се разглежда като отдалечаване и откъсване на имената за действия от парадигмата на глагола и като промяна в посо-

ката на семантичната мотивираност: *дъждуване* — от *дъжд*, *хибридизация* — от *хибрид*, а не от *дъждувам, *хибридизирам [Балтова 1986: 78].

Сред неологизмите със суфикси *-не* и *-ция* се откроява група от 24 имена за действия, образувани с префикс *де-*: *деидеологизиране* — *деидеологизация*, *демонополизиране* — *демонополизация*, *деполитизиране* — *деполитизация* и т. н. Тези нови имена се съотнасят с нови глаголи със същия префикс: *деидеологизирам*, *демонополизирам*, *деполитизирам*. Оформят се опозиции: *политизиране* — *деполитизиране*, *идеологизация* — *деидеологизация*. Аврамова определя тези съществителни имена като десубстантивни, т. е. префигирани, като отбелязва и факта, че някои от съществителните с префикс *де-* не се свързват нито със съответно „произвеждащо“ съществително на *-(а)ция*, *-изация*, нито с „произвеждащ“ глагол [Аврамова 2003: 64]. Съществителни като *декомунизация*, *департизация* могат да се разглеждат като образувани по префиксално-суфиксален път.

Трета група нови имена за действия са заетите от английски език съществителни със суфикс *-инг*. Те също се конкурират със съществителни със суфикс *-не*: *банкиране* се среща 1047 пъти в БНК — *банкинг* 39 пъти, *мониторинг* 1551 — *мониториране* 67, *спонсориране* 126 — *спонсоринг* 1, *букросинг* 13 — *букросване* 2. От данните за фреквентността могат да се направят изводи за утвърждаването на неологизмите в българския език. Само 22 заемките със суфикс *-инг*, включени в РНД, се съотнасят и с нови глаголи.

В резултат на направеното проучване бе установено, че новите имена за действия, които семантично и словообразователно се съотнасят с нови глаголи, но са десубстантивни, представляват не малка част от неологизмите в лексикалната система на българския език.

Литература

- Аврамова Цв. Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век. София, 2003.
- Балтова Ю. За някои явления и тенденции в изграждането на лексикалната система на съвременния български книжовен език // Въпроси на съвременната българска лексикография и лексикология. София, 1986. С. 74–80.
- Георгиева Е. Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголните съществителни в българския книжовен език (Опит за лексико-граматическа прекаатегоризация) // Известия на Института за български език, XIX, 1970. С. 151–161.
- Пернишка Ем., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.). София, 2010.
- Радева В. Словообразователни иновации в славянских языках, обусловленные иноязычной лексикой // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование. М., 2010. С. 245–255.

¹ Изследването е проведено с частичната финансова подкрепа на Фонд „Научни изследвания“ на Република България, договор ДТК 02 / 52 от 2009 г.

Семантика и функционирование лексем со значением «лидер, глава...» в современном словенском языке

М. Л. Кулешова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Синонимы, семантика, лексикография

Summary. The paper considers the selection restrictions and semantics of Slovene words, which fall into the synonymic group *head of, leader of etc.*, against the background of Russian language.

Лексемы со значением «лицо, стоящее во главе чего-либо, руководящее чем-либо» (*лидер, глава, вождь* и т. д.), относятся к разряду реляционных предметных имен. Каждая из лексических единиц, входящих в данный синонимический ряд, обладает семантической валентностью объекта, что может быть отражено в виде схемы «*глава, лидер, вождь X*», где *X* — имя существительное, с предметным и, как правило, собирательным значением. При сопоставлении обозначающих данное понятие лексем в русском и родственном ему словенском языке оказывается, что эквивалентов, совпадающих как по семантике, так и по сочетаемости, обнаружить практически не удается. Это, безусловно, вызывает трудности при переводе и лексикографическом описании данных единиц. В настоящей работе впервые предпринята попытка описания синонимов *vodja, prvak, poglavar* и т. п. в современном словенском языке на фоне русского языка (отметим, что материал русского языка не представляет собой специальный объект исследования). Внимание уделяется не только специфике сочетаемости, но и стилистическим особенностям и коннотациям лексем. Следует оговориться, что предметом нашего исследования на данном этапе не являлись лексемы, способные сочетаться только с одним типом объектов, например, *kapetan* (капитан) в обоих своих значениях: *kapetan ladje*¹ (капитан корабля) и *kapetan reprezentance*² (капитан команды). Мы также не учитывали лексемы, значение которых можно сформулировать с помощью схемы «*vodja, prvak, poglavar X*», где *X* — единственный возможный объект, например, *obratovodja* — *vodja obrata* (заведующий производством, технический директор).

В качестве источников материала исследования были использованы толковый словарь словенского языка («*Slovar slovenskega knjižnega jezika*»), корпус словенского языка «Fidaplus» и сеть Интернет. Исходя из результатов анализа, можно утверждать, что доминантой рассматриваемого синонимического ряда является лексема *vodja*, которая характеризуется самой высокой частотностью и наиболее свободной сочетаемостью. Мы выделяем три основных лексико-семантических варианта данной лексемы: 1) лицо, осуществляющее руководство над какой-либо группой или учреждением, т. е. руководитель, начальник, директор, например, *vodja tovarne* (директор фабрики), а также менеджер: *vodja proizvodnje* (менеджер по производству); 2) лицо, возглавляющее какую-либо партию, движение или иную группу, объединение людей: *vodja upornikov* (глава / лидер повстанцев); 3) человек, обладающий определенными качествами, позволяющими осуществлять руководство и контроль, навязывать свою волю остальным: *rojen vodja* (природный лидер), *pravi vodja* (настоящий лидер).

Остальные составляющие синонимического ряда отражают какой-либо аспект лексического значения доминанты,

обладая при этом своей спецификой. В частности, названия должностей отличаются своеобразными ограничениями на сочетаемость, например, *predstojnik* — это, как правило, глава какого-либо научного, учебного или медицинского отдела (института): *predstojnik katedre za mednarodne odnose* (заведующий кафедрой международных отношений), *načelnik* — глава какого-либо официального учреждения или отдела: *načelnik zadruga* (директор, глава кооператива), а *šef* — либо руководитель учреждения или подразделения: *šef založbe* (директор издательства), либо какой-либо группы, наделенной особой функцией: *šef misije* (глава, руководитель, шеф миссии). Кроме того, последняя лексема, в отличие от предыдущих, может употребляться в значении «начальник по отношению к своим подчиненным», например, *strog šef* (строгий начальник).

Лексемы, обозначающие лидеров каких-либо групп и обществ, также обнаруживают специфические для словенского языка особенности. Так, слово *voditelj* способно сочетаться с практически любым типом объединений: *mladinski voditelj* (молодежный лидер, вождь), *voditelj stranke* (лидер партии) и употребляется в характеризующем значении: *odločen voditelj* (решительный лидер), однако уступает по своей частотности доминанте ряда. В то же время лексема *poglavar* стремится к более ограниченной сочетаемости и обычно используется для наименования религиозного лидера: *poglavar Ruske pravoslavne cerkve* (предстоятель, глава Русской православной церкви) или вождя племени: *indijanski poglavar* (вождь индейцев). Лексеме *prvak* отличается более ярко выраженный семантический компонент превосходства, достижения лидерства в условиях жесткой конкуренции. Это в большей степени статус, нежели должность: *opozicijski prvak* (лидер оппозиции), *prvak / prvakinja baleta* (премьер / прима балета). Неслучайно ЛСВ «чемпион», не относящийся к предмету нашего исследования, является для данной лексемы основным.

К особенностям функционирования лексем, входящих в рассматриваемый синонимический ряд, следует отнести также то, что заимствования из английского языка, такие, как *lider (leader)* и *menadžer (manager)* тяготеют к публицистическому стилю и сохраняют ассоциативную связь с американской культурой и стилем ведения бизнеса.

Таким образом, синонимический ряд словенских лексем со значением «лидер, глава...», отличающийся сложной системной организацией, следует детально описать в словаре идеографического типа. В словарную статью, посвященную данному ряду, должны быть включены также лексемы с узкой сочетаемостью, такие, как вышеупомянутый *kapetan* или *župan* (мэр).

Литература

Slovar slovenskega knjižnega jezika. Spletna izdaja. Ljubljana, 2000.

Умственные способности человека в фокусе вторичных номинаций в современных славянских языках

Е. Маркова

Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Вторичные номинации, оппозиция «умный»-«неумный», типология переносов, образная этноспецифика, русский и чешский языки

Summary. The given report touches upon the realization of the archetypical dichotomy “clever” — “not clever” by means of secondary nominations in Slavic languages. On the material of the Russian and Czech languages there demonstrated a typological character of basic metaphors and their figurative and ethnic specificity.

Лексика и фразеология, репрезентирующая архетипическое противопоставление «умный» — «неумный», состав-

ляет огромный массив в экспрессивном фонде любого языка, причем большинство из них являются вторичными но-

минациями, основанными на метафоре. Универсальными в разных, в том числе славянских, языках является целый ряд базовых метафор, или культурных кодов. Вместе с тем их различная образная реализация свидетельствует о специфике видения мира представителями того или иного этноса, обусловленной их национально-культурными особенностями, несмотря на близкое родство, что демонстрирует, например, русско-чешский лексико-фразеологический материал.

Во многих фразеологизмах, номинирующих неумного человека, закреплен перенос «покрытие, верхняя часть» → «голова», сопряженный с мотивом движения, беспорядка: рус. *башню снесло, крыша поехала, чердак заклинило*, чеш. *straší ti ve věži, šplouchá ti na maják* ('у него нечисто в башне'). Частный случай мотива движения — образ поломки механизма, нарушения порядка в нем: *сдвиг по фазе, шариков / винтиков не хватает*, чеш. *haraší ti v kouli* ('у него звенит / гремит в шаре'). Типичным для актуализации образа глупца является и мотив нарушения целостности предмета, напр. в чеш. *ruplo (luplo) ti v kouli (v bedně)* ('у него треснуло / лопнуло в шаре / ящике'), что может быть связано с ударом по голове: рус. *пыльным мешком ударенный* — чеш. *pytlem praštěný* ('мешком ударенный'), а также *praštěný pavlačí* ('ударенный балкой').

Картину разрухи и беспорядка для выражения нехватки ума дополняет тема отсутствия в доме полной семьи в рус. *не все дома*, чеш. *nemít všech pět pohromadě* ('не иметь все пять вместе'), отсутствия главного человека в государстве (рус. *без царя в голове*).

Используется для разработки образа неумного человека и фитонимический код, напр., в рус. *лопух*. Растительная метафора близка ландшафтной, задействующей образ темного, непроходимого леса: *темный лес, как в темном лесу, тундра*. В рамках растительного кода зародилась «деревянная» метафора для наименований глупца: *дубовая голова, еловая голова, голова садовая, здравствуй, дерево!* и др. Типичным для славянских языков является сравнение глупого человека с дубом: рус. *дуб дубом, как дуб, дубинноголовый*, чеш. *hloupy jako dub, dřevo, má dubovou hlavu, dubová palice / hlava; jako když mluvíš do dub, mlčet jako dub, stát jako dub*. Другое направление развития древесной метафоры — подключение образов деревьев с легкой древесиной, задействующих признак легковесности, в рус. *пробковое дерево, тупой как пробка, бамбук*.

Пень как часть дерева в метафорической проекции актуализирует признак «торчащий», который является существенным при вербализации образа дурака как аномального явления: рус. *пень*, чеш. *pařez* 'пень, чурбан', *bolvan* (первоначально о дереве, торчащем из земли), *дубина стоеросовая* (букв. 'стоя, прямо растущая'). На стыке «деревянной» и «артефактной» метафор возникла семантическая модель: «дубина, палка» → «глупый человек»: рус. *дубина, колода, остолоп* (от *столп, столб*), *балда* ('шишка, нарост на толстом конце палки') и чеш. *bidlo* (из «жердь, шест»), *klacek* (от 'дубина, палка'). Полые изделия из дерева также становятся актуальными для наименования глупца, ср. чеш. *hloupy jako necky* 'глупый как корыто'; *truhlík* 'ящик'. Мотив пустоты реализуют также наименования: чеш. *prázdňá nádoba* ('пустой сосуд'); *trumdera, trulant* 'болван, балбес' (из 'труба'), *trouba*. Специфически чешской является ассоциация глупого человека с кишкой во фраземе: *ičiněně střevo*.

Деревянными могут быть и орудия труда, наименование которых также втягиваются в рассматриваемое поле. При этом к характеристике материала может добавляться и признак формы: разного рода колотушки, песты и другие «дубиноподобные», тупые предметы могут ассоциироваться с глупым человеком: рус. *орясина* (перв. 'большая дубина, палка'), *колотушка*, чеш. *palice* (из 'деревянный молот'), *prázdňá palice* (букв. 'пустой молот'), чеш. *trdlo* ('дубина'), *tágo* ('бильярдный кий') (*blbý jako tágo* 'тупой как бильярдный кий').

Мотив обработки дерева тесно связан с представлением о культуре и образованности человека, что послужило мотивом номинаций рус. *неотесанный, полено неструганое, чур-*

ка с глазами, чурбан, чеш. *blbý jako poleno* 'тупой как полено'. Отсутствие ума у человека выражается и с помощью замены ума на мусор: рус. *у него в голове опилки, солома; голова мякиной набита*; чеш. *má v hlavě piliny / drtiny / otruby* ('у него голове опилки / стружки / отруби').

Представления о том, что глупый человек способен выполнять только самую примитивную, простую, монотонную работу, послужили основой метафор на базе наименований долбящих, вбивающих орудий или вбиваемых предметов, а также крутящихся частей орудий труда: рус. жарг. *долото, кувалда*, чеш. *palice* 'молот', чеш. *svok* 'ненормальный, по мешанный' (из *svok* 'гвоздь'), чеш. *motovídló* 'пенткох, увальень' (первоначально 'часть прялки для наматывания пряжи'), чеш. *vrták* 'растяпа, дурак' (из первоначного 'сверло, бур').

Артефактная метафора представлена во вторичных номинациях дурака семантической моделью: «головной убор, чехол, мешок» → «человек»: рус. *шляпа*, (уст.) *колпак* — чеш. *šárice* 'шапка (вязаная)' в значении 'глупая женщина'; рус. *мешок, тюфяк* — чеш. *balík* 'пакет', *pytlík* 'мешок', *mezulán* 'глупец' (первоначально 'вид дешевой хлопковой ткани'). Типичным является и сравнение с обувью: в семантике слов, обозначающих обувь, имплицитно присутствует не только сема округлости, но и сема низа, приземленности, противоположности голове: рус. *валенки*, жарг. *башимак, калоша, туфля, тапочек, сапог*, чеш. *hloupy jako bota* ('глупый как ботинок'), чеш. *bačkora* ('тапочек').

Социальный код представлен номинациями представитель тех слоев, которые обладают в сознании номинатора низким социальным статусом, — провинциалов, жителей деревни, периферии, сказочных образов крестьян-простофиль: напр., рус. *Машиа с Уралмашиа, сибирский валенок, тульский пряник, колхозник, деревня, Иванушка-дурачок*, чеш. *hloupy Honza, Jakub*.

Человеком подмечается и объективируется в языке чаще всего то, что отклоняется от нормы, подлежит осуждению и порицанию. Поэтому все, что является нормой, оказывается неразработанным в языковом отношении. Нормой является наличие ума для человека, поэтому тема умного человека находит гораздо меньше способов языковой реализации, нежели тема глупца. Признаком умника является констатация наличия у него головы как вместилща ума (рус. *он с головой, имеет голову на плечах, светлая голова, умная голова*, чеш. *vtípná hlava* 'находчивая, остроумная голова', чеш. *má bystrou hlavu* 'у него сообразительная, быстрая голова'). В чешском языке эта идея передана и иносказательно: *má pod čepicí* ('у него есть под шапкой'), *má za ušima* ('у него есть за ушами'). Идея наличия и достатка ума лежит и в основе русской идиомы: *ему ума не занимать*.

Одним из стереотипных метафорических представлений об умном человеке является признак заплотненности в противовес пустоте, свойственной дураку: напр., в рус. *кладезь премудрости, бездна премудрости / учености, ума палата*, чеш. *má fůru rozumu* ('у него вагон ума'). Представления об умном человеке связаны и с большим лбом как вместилщем ума, напр., в русской гиперболе *семи пядей во лбу*. Идея заплотненности дополняется мотивом полной семьи в чеш. *má všech pět pohromadě* ('у него все пятеро вместе'). В русской лингвокультуре идею ума символизировало раньше наличие в голове царя: *с царем в голове* (в отличие от глупца, который *без царя в голове*).

Для обозначения умного, сообразительного человека в русском и чешском языках используется кулинарный код: ср. рус. *у кого голова / котелок / черепушка варит* — как результат сравнения процесса мышления с процессом приготовления пищи; чеш. *jedl vtípnou kaši* 'ел остроумную кашу', *собаку съел* — как результат сравнения обогащения ума с процессом поглощения пищи.

Хорошее знание чего-либо объективируется с помощью образа руки, ладони: рус. *знать как свои пять пальцев / как свою ладонь*, чеш. *znát jako svou dlaň, má v malíčku* ('у него есть в мизинце'). В чешском языке «подключена» для выражения данного значения обувная и вестонимическая метафоры: ср. чеш. *znát jako své boty* ('знать как свои ботинки'), *znát jako svou kapsu* ('знать как свой карман') / *jako*

svou vestu ('знать как свой жилет'). Для обозначения человека, разбирающегося в своем деле до мелочей, используется и артефактный код, представленный образами мелких предметов: рус. *знать до последнего винтика* — чеш. *znát do posledního hřebíku* ('знать до последнего гвоздика').

Семантические особенности компонента «наименование женщины» в русских и болгарских фразеологических единицах

А. Ю. Маслова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)

Фразеологическая единица, женщина, гендер

Summary. The research is based on the analysis of semantic features of phraseological units with the component "nomination of woman" in Russian and Bulgarian languages in comparative aspect. The author presents the semantic classification of these phraseological units and comments on their gender specification.

Антропоцентричность является отличительной чертой фразеологической номинации. В связи с этим представляется интересным рассмотреть особенности функционирования устойчивых выражений с компонентом «наименование женщины» в сопоставительном аспекте на материале славянских русского и болгарского языков. Источником фактического материала для исследования послужил «Русско-болгарский фразеологический словарь» под редакцией С. Влахова.

Наименование женщины как компонент ФЕ и в русском, и болгарском языке репрезентирует эмоциональные, морально-этические, эстетические и гендерные представления носителей языка.

Фразеологический материал представляет следующие характеристики: 1) по возрасту — *дева, девка, девушка / мома*; 2) по родству: кровному — *мать / майка, дочь / щерка, бабушка / баба, сестра / сестра*; по некровному — *невестка / булка; жена, съруга* (в болгарском языковом материале), 3) по социальному статусу — *барышня / госпожица, вдова / вдовица; невеста / годеница, подружка / другарка, дама / дама; сваха* (в русском языковом материале); 4) по оценочному критерию — *девица / хубавица, хубава девойка, дура / глупачка, карга / бранжия; баба / скандалджийка*; 5) по принадлежности к «трансцендентально-мистическим сферам» (термин В. Н. Телия) — *вещица* (в болгарском языковом материале). Данные номинации, становясь компонентом фразеологизма, могут испытывать семантическую трансформацию и на уровне категориального, и на уровне индивидуального значения.

1. Компонентный состав ФЕ, включающих характеристику по возрастному признаку, в русском языке представлен шире: трем русским наименованиям молодых женщин, не состоящих в браке, соответствует одно болгарское наименование — *мома*. Функционирование эквивалентных ФЕ семантически базируется на несоответствии реального возраста референта-женщины его статусу (не замужем) — *старая дева / старая мома, в девках остаться, засидеться, сидеть в девушках / остана стоя си стара мома*.

2. Компоненты, называющие женщин по степени родства, функционируют в своем буквальном значении в ФЕ — эквивалентах *маменькина дочка / мамина щерка (момиче)*, поскольку характеризуемым лицом действительно может выступать дочь, если ФЕ реализует первое значение, т. е. имеется в виду большое сходство матери и дочери. В других случаях в той или иной степени наблюдаются изменения на уровне семантики. Так, во втором ироничном значении ФЕ *маменькина дочка / мамина щерка (момиче)* может быть адресована любому лицу, и тогда номинация *дочка / щерка* семантически обесценивается. В ФЕ *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день / На ти, бабо, Гергьов ден* номинация *бабушка / баба* также практически нейтрализована, поскольку апеллятивная функция почти не ощутима. Вместо этого компонента может быть использован и иной, что подтверждает имеющийся в болгарском языке аналог *Те ти, булка, Спасовден*. Наименование *сестра* актуализирует сему «женщина, объединенная с кем-либо общими интересами» в ФЕ *ваша сестра, наша сестра*, которые не имеют аналогов в болгарском языке. Объяснение ФЕ в словаре

Конвергенция метафорических моделей вторичных номинаций в разных языках являются свидетельством того, что все национально-образные различия в конечном итоге являются оборотной стороной когнитивно-ментального единства.

осуществляется описательно: *наша сестра / ние (жените) и такива като нас; ваша сестра / вие (жените) и вам подобните*. Компонент *мать, матушка* фигурирует в ФЕ *показывать кузькину мать* и *обругать по матушке*. Относительно происхождения ФЕ *кузькина мать* есть много версий, и только одна из них предполагает буквальную трактовку номинации, подразумевая действительно мать некоего Кузьмы, сварливую, злобную женщину. В болгарском языке фигурируют ФЕ — аналоги как с использованием компонента — номинации, например *напусвам на майка*, так и без него: *показатъ кузькину мать / разкатая някому фамилията, направя някога на мат и маскара*.

3. Эквивалентные номинации по социальному статусу в составе представленных в словаре ФЕ характеризуют лиц женского пола по отношению к мужчине. Например, эквивалентные ФЕ, употребляющиеся в обоих языках с шутовым оттенком (о чем свидетельствуют словарные пометы): *соломенная вдова / сламена вдовица* — жена, находящаяся во временной разлуке с мужем или не живущая с мужем; *подруга жизни / другарка в живота* — супруга, жена; *дама сердца / дама на сърцето* — любимая, возлюбленная. Не представлено болгарских аналогов для русской ФЕ *кисейная барышня*. При болгарской трактовке этой ФЕ в словаре несколько расширяются семантические границы компонента. Если в русском языке значение подразумевает изнеженную, неприспособленную к труду девушку, белоручку, то в болгарском языке добавочно фигурирует оценочная номинация *глезла*, т. е. баловница, капризница

4. В ФЕ с номинативным компонентом, характеризующим лицо по оценочному критерию, в обоих языках прослеживается тенденция к негативной оценочности, что свидетельствует об определенном негативном стереотипе, сформировавшемся в сознании носителей языка. Эта группа представлена: ФЕ без болгарского аналога — *базарная баба*. Номинация *баба* не имеет жесткой референтной соотносительности и характеризует как женщину, так и мужчину, что отражено в словаре при объяснении значения на болгарском языке — *скандалджия / скандалджийка, кресль / кресла*; также в эту группу входят ФЕ — аналоги и эквиваленты: *драния кошка, т. е. баловница, оскубана, проскубана гарка, кокошка, врана; старая карга / дърта вещица*. Первая из указанных ФЕ представляет собой зооморфную модель и в русском, и в болгарском языке, вторая (в русском языке) — по своему происхождению, в зависимости от точек зрения, имеет отношение либо к зооморфной модели (от тюркского *karga* «ворона»), либо к фитоморфной (*корга (карга)* «кривое дерево»).

При анализе фактического материала обращают на себя внимание гендерные различия, которые особо рельефно проявляются в обоих языках при наличии оппозиций по гендерному признаку, например *соломенная вдова* — *соломенный вдовец / сламена вдовица* — *сламени вдовец, маменькина дочка* — *маменькин сынок / мамина щерка* — *мамин син*. И в русском, и в болгарском языке выделяется группа гендерно ориентированных ФЕ, референтно соотносимых в сознании носителей языка с женщиной: *драния кошка / одрана котка, старая дева / стара дева* и др. Осо-

бую группу представляют ФЕ, обладающие сдвинутой референтной отнесенностью: они либо характеризуют любого человека без учета его гендерного признака: *кисейная бабышня* — «изнеженный, не приспособленный к жизни человек», *базарная баба* — «крикливый, вздорный, грубый че-

ловек», либо относятся к лицам мужского пола: *красная девица* — «очень застенчивый, стыдливый, скромный юноша». Эта группа в анализируемом словаре представлена русскими ФЕ, не содержащими фразеологических эквивалентов или аналогов в болгарском языке.

Уникальные значения в лексико-семантических ядрах славянских языков

И. А. Меркулова

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Лексико-семантическое ядро, уникальное значение, компаративистика

Summary. The research utilizes the results of the parametric analysis of vocabulary of 14 Slavonic languages. Quantitative characteristics of lexical-semantic kernels allow for counting the Index of Uniqueness of every lexical kernel.

Лексико-семантическая система любого языка представляет собой сложное системное образование, одним из основных источников изучения которого является словарь.

В работе А. И. Кузнецовой была высказана мысль о продуктивности многомерного параметрического анализа явлений языка, при котором каждый из параметров даёт свое ядро и периферию [Кузнецова 1988]. При анализе лексики количество параметров может быть сведено к четырем: 1) функциональный (употребительность); 2) синтагматический (широкая сочетаемость); 3) парадигматический (важность семантики); 4) эпидигматический (продуктивность).

Выделение параметрического ядра лексики осуществляется по методике, предложенной в работах В. Т. Титова [Титов 2002], [2004], суть которой состоит в слиянии четырех частнопараметрических ядер (функционального, синтагматического, парадигматического, эпидигматического), содержащих около тысячи слов с максимальным параметрическим весом. При этом параметрический вес каждого слова равен сумме его частнопараметрических весов. В качестве объекта исследований выступают двуязычные словари.

Сердцевину словаря составляют слова, вошедшие в первую тысячу слов по всем четырём параметрам. Такие слова являются своего рода собранием лучших лексикологических качеств: они коротки, (а следовательно, непростоизводны и, как правило, употребительны), имеют богатую фразеологию, синонимию и полисемию. Это так называемое *малое лексико-семантическое ядро* (МЛСЯ). Соответственно, можно выделить *большое ядро* — слова, вошедшие в необходимое множество по трем параметрам, и *периферию большого ядра* — слова, вошедшие в ядро по двум параметрам.

Представим результаты, полученные по 14 славянским языкам в виде таблицы.

Таблица 1. Размерность параметрических ядер славянских языков

№	ЯЗЫКИ	Кол-во слов в большом ядре	Кол-во слов в малом ядре
1	Белорусский	983	170
2	Словацкий	714	73
3	Македонский	669	107
4	Старославянский	401	83
5	Кашубский	396	39
6	Польский	332	82
7	Сербский	312	34
8	Украинский	307	30
9	Чешский	283	25
10	Болгарский	263	58
11	Русский	229	26
12	Нижнелужицкий	194	17
13	Словенский	163	45
14	Верхнелужицкий	141	9

Проанализируем семантику полученных ядер. Они содержат как неуникальные (совпадающие в языках) значения, так и уникальные значения, те, которые встречаются в ядре только одного языка.

Анализ бинарных совпадений в больших ядрах и определение их близости уже проводились, и результаты изложе-

ны в статье, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» [Кретов, Меркулова, Титов 2011].

Мы же обратим внимание на уникальные значения, встречающиеся только в каком-либо одном языке.

Полагаем, что доля уникальных значений является содержательным показателем. Вычислим её и условимся обозначать как Индекс уникальности лексического ядра (сокращённо — ИндУЛекс).

Таблица 2. Индексы уникальности МЛСЯ славянских языков

СЛОВ В МАЛОМ ЯДРЕ	УНИКАЛИЙ	ИндУЛекс (%)	ЯЗЫК
30	5	16,67	Украинский
34	6	17,67	Сербский
17	4	23,53	Н.-лужицкий
58	15	25,86	Болгарский
26	7	26,92	Русский
83	23	27,71	Ст.-славянский
25	7	28	Чешский
170	49	28,82	Белорусский
107	32	29,91	Македонский
82	25	30,49	Польский
9	3	33,33	Влужицкий
73	25	34,25	Словацкий
39	15	38,46	Кашубский
45	21	46,67	Словенский

Чем меньше значение Индекса уникальности, тем большее количество семантических параллелей можно отыскать в ядре данного языка, а высокие значения данного индекса, напротив, говорят о том, что в ядре данного языка больше слов, характерных только для него одного.

Таким образом, наш материал показывает, многочисленны славянские связи украинского и сербского языка и уникального (самобытность) лексико-семантических ядер словенского языка, Индекс уникальности которого превышает 40%. «Золотую середину» составляют восточно- и южнославянские языки с Индексом уникальности от 20 до 30%.

Далее дается характеристика уникальных значений, представленных в славянских языках.

Выделение и анализ ядер лексико-семантических систем славянских языков позволяет судить о состоянии лексико-семантической системы на сегодняшний день, выявить ее доминанту, а также предложить типологические показатели (индексы, коэффициенты), дающие возможность сравнения систем, а не отдельных черт или отношений между отдельными языковыми элементами.

Литература

- Кузнецова А. И. Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемии: на материале русского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1988.
- Кретов А. А., Меркулова И. А., Титов В. Т. Проблемы количественной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 52–65.
- Титов В. Т. Общая количественная лексикология романских языков: Монография. Воронеж, 2002.
- Титов В. Т. Частная количественная лексикология романских языков: Монография. Воронеж, 2004.

Активные процессы в лексике и фразеологии современного македонского языка

Б. Мирчевска-Бошева

Университет Святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Лексика, фразеология, македонский язык

Summary. This paper attempts to illustrate the current state of complex language situation in Macedonia influenced by the changes in the society, great amount of foreign language borrowings and increased frequency of use of nonstandard words and expressions based on data from newspaper and magazine columns

Общественно-политические процессы произошедшие в Македонии в 90-е годы XX в. не могли не повлиять на развитие и функционировании современного македонского языка. Период после получения независимости в 1991 г. характеризуется сильно выраженным чувством национальной принадлежности и борьбой с влиянием сербохорватского языка. Защищаясь от сербского влияния с одной стороны и отдаляясь от болгарского, с другой стороны, македонский язык находится в ситуации, которая привела к притоку субстандартной лексики в средства массовой информации. Речь идет об интенсивном процессе либерализации и демократизации литературного языка, норм культуры речи, в результате чего значительно расширился круг допускаемых общественным мнением отклонений от языковых норм. Это приводит к значительному расширению активного словарного запаса путем употребления сниженной лексики (разговорной, жаргонной и просторечной). Наряду с этим широкий размах приобрело заимствование иноязычной лексики (особенно из английского языка), которое наблюдается преимущественно в сферах спорта и музыки (этим объясняется широкое использование иноязычных слов молодежью), а также в области политики, электроники, электротехники, кино и телевидения и других областях человеческой деятельности.

сти. Процесс заимствования дополняется интенсивным процессом калькирования, посредством которого образуются как многочисленные новые значения слов, так и новые словосочетания и фразеологизмы.

В докладе делается попытка проанализировать языковую ситуацию, которая сложилась в Македонии после 1991 г. на примере современного газетного дискурса (колонки журналистов, политиков, профессоров) и отдельных сегментов Интернета (он-лайн газеты и журналы).

Литература

- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
- Велковска С. Лексичкиот фонд на македонскиот јазик на прагот на XXI век // Предавања на XI меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2009. С. 105–114.
- Груевска-Маџоска С. Социолингвистички огледи, Скопје, 2010.
- Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 4–16.
- Треневски Т. За некои тековни состојби во современниот македонски јазик // Предавања на XI меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2008. С. 105–110.

Обращения, обозначающие лиц женского пола, в динамическом аспекте (XX–XXI вв.)

И. А. Морозова

Борисоглебский государственный педагогический институт (Борисоглебск Воронежской обл., Россия)

Обращения-феминизмы, микрополе, социокультурная классификация.

Summary. Using the explanatory dictionaries of the different ages the author depicts and classifies the addresses-feminisms in modern Russian language. Its results define the changes in this micro-field during XX–XXI centuries.

В настоящее время наименования лиц женского пола (феминизмы) — одна из наиболее активно развивающихся лексических подсистем в современном русском языке, изменения в которой в большей степени происходят под влиянием внешних факторов. В рамках комплексного изучения семантического поля «Женщина» особый интерес представляет микрополе «Обращения, обозначающие лиц женского пола». Материалом исследования послужили лексические единицы, зафиксированные в толковых словарях XX–XXI вв. в качестве собственно обращений к женщине, девушке, девочке.

Традиционно под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [ЛЭС 1990: 340]. Исходя из этого определения, считаем допустимым использовать для обозначения рассматриваемых единиц термин «обращения-феминизмы» как более краткий и акцентирующий внимание на семантике анализируемых единиц.

Внутри микрополя можно выделить следующие группы обращений-феминизмов:

I. Официальные апеллятивы (*госпожа, сударыня, дама, гражданка* и др.), многие из них до 1917 г. указывали на принадлежность к господствующим классам; в эту группу входят также слова-экзотизмы (*сеньора — сеньорита, синьора — синьорина, мадам — мадемуазель, миледи, мисс — миссис, фрау — фрейлейн, фру — фрекен* и др.), обозначающие вежливое обращение к женщине в других странах в зависимости от ее семейного положения (замужняя / незамужняя).

II. Неофициальные апеллятивы (*голубушка, дочка, сестрёнка, девонька* и др.), которые представляют собой фамильяр-

ные, дружеские, ласковые обращения. Данная группа имеет больший количественный состав, отличается разнообразием.

Как известно трансформации в сфере обращений теснейшим образом связаны с историей народа, его культурными традициями, изменениями в жизни общества, поэтому актуальным остается исследование лексики обращений в социолингвистическом, лингвокультурном, гендерном аспекте.

Анализ выявленных обращений-феминизмов позволяет отметить следующие изменения в данном микрополе в период XX–XXI веков:

1) переход апеллятивов из разряда официальных в неофициальные (*барышня, сударыня, мадам, уважаемая*), при этом слова утрачивают компоненты, указывающие на принадлежность женщины к привилегированному сословию, а приобретают новые денотативные и коннотативные семы;

2) использование в качестве официального обращения актуализировавшихся апеллятивов *госпожа, дама* (+ *Дамы и господа!*) и традиционного для советского периода *гражданка* (см. [БТСРЯ 1998]);

3) утрата обращений *сударыня, барыня* и т. п. / к лицам господствующих классов /, при этом в словарях данные лексемы фиксируются с пометой *устарелое*;

4) появление и фиксация в толковых словарях 2-й половины XX века как нейтрального обращения феминизма *девушка* (с пометой *разг.*), который может употребляться по отношению к молодым женщинам;

5) расширение семантики апеллятивов *детка* (обращение к ребенку → к девушке, молодой женщине), *дочка* (ласк. к *дочь* → обращение пожилого или взрослого человека к девушке, молодой женщине), *девонька* (ласк. к *девочка, девушка* → обращение к молодой женщине), *мать* (обращение к пожилой женщине → к женщине, жене);

6) сужение семантики апеллятивов *душка, душенька, лапушка* (теперь только по отношению к женщине), *родимая* (*родная, милая, любезная* → обращение к матери) и др.;

7) изменение стилевой (прост. → разг. → нейтр.: *бабушка, мамаша, дочка, сестрица* и др.) и стилистической окраски (вульг. → фамильярн.; фамильярн. → ласк. и др.: *цыпочка, ягодка, сестричка* и др.) обращений-феминизмов;

8) подвижность состава неофициальных апеллятивов: с одной стороны, исчезновение таких единиц, как *маменька, милуша, милашечка, сударынька, хозяйюшка* и др. (не фиксируются в словарях 2-й половины XX века), а с другой стороны, появление обращений *сестрёнка, птичка, рыбка, цыпа* и др.

Трансформации в микрополе «Обращения, обозначающие лиц женского пола» обусловлены как внеязыковыми причи-

нами, так и внутренними законами развития языка. Разрушение устойчивой системы обращений, существовавшей до 1917 г., и затем системы, сложившейся в советскую эпоху, демократизация языка, подвижность этикетных норм и влияние иноязычной этикетной традиции — все это привело к тому, что в настоящее время данное семантическое объединение носит неустойчивый характер. Можно предположить, что в системе русских обращений в целом будут происходить дальнейшие изменения.

Литература

- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

Варьирование лексических единиц в социолектах в синхронии и диахронии (на материале польского военного жаргона)

В. О. Нечаевский

Военный университет Министерства обороны РФ (Москва, Россия)

Лексика, вариант, социолект

Summary. The military slang is being used to study the feasibility of variation of the vocabulary of social dialects in terms of both synchrony and diachrony.

Исследования лексики литературного языка позволили установить, что сложившаяся литературная норма не исключает вариантности отдельных языковых средств, но в стандартизованном литературном языке варианты обычно выполняют различные стилистические функции [Швейцер 2003: 16]. При этом единицы лексического уровня языка могут быть связаны отношениями вариантности не только в синхронии, но и в диахронии [Нечаевский 2011а: 77]. Попытаемся определить, действуют ли выявленные нами законы в нелитературных языковых образованиях.

В среде людей, объединённых общей профессией, рано или поздно возникает профессиональный жаргон, объединяющий наиболее часто используемую данной социальной группой лексику. Жаргон является одним из типов социальных диалектов языка, возникающий из потребности отдельных общественных и возрастных групп обособить себя и выделиться среди других языковыми средствами. Так в среде военнослужащих формируется идиом, функционально и понятийно обслуживающий военный социум и представляющий собой специфическую часть военного подязыка [Коровушкин, Перрон 2006: 273]. На материале польского военного жаргона попытаемся решить поставленные в данном исследовании задачи.

Будучи неотъемлемой и наименее регламентированной составной частью национального языка, социальные диалекты в немалой степени подвержены влиянию со стороны иностранных языков. В полной мере это относится к польскому военному жаргону, поскольку в 1918 году при организации вооружённых сил независимого польского государства в его состав вошли солдаты и офицеры, проходившие ранее военную службу в армиях трёх государств — Германии, России и Австро-Венгрии, т. е. три различные социальные группы несли свои элементы армейской субкультуры, включающей среди прочего и военный жаргон. Это привело к тому, что одна и та же военная реалья могла иметь в жаргоне несколько дублетных наименований, представляющих собой заимствования из русского и немецкого языков. Например *дозорный* в польском военном жаргоне межвоенного периода обозначался как *dozorny* (от рус. *дозорный*), *flankierz* (возможно от нем. *flankieren* 'вести фланговый огонь'), *szperacz* (от пол. *szperać* 'усердно разыскивать') (примеры польских военных жаргонизмов периода 1918–1939 гг. взяты из [Wasilewski 2008]).

После Второй мировой войны, в годы существования Организации Варшавского договора (1955–1991 гг.) Войско Польское находилось в тесном взаимодействии с Советской Армией (в особенности с той её частью, которая была расквартирована в ПНР и составляла т. н. «Северную группу

войск»). Кроме того, значительная часть среднего и высшего командного состава Войска Польского проходила обучение в военных учебных заведениях на территории СССР. Результатом такого тесного и продолжительного сотрудничества стало преобладание в польском военном жаргоне русскоязычных лексических заимствований [Нечаевский 2011б: 333]. Следствием этого стало образование семантических дублетов, т. е. семантических (смысловых) вариантов. Таким образом возникли дублеты *kalasz* и *giwera* '«калаш» (автомат Калашникова)', *samowolka* и *lewizna* '«самоволка» (самовольное оставление территории части)', *bażant* и *spermen* '«фазан» (студент, призванный после окончания ВУЗа и проходящий обучение в военной школе прапорщиков запаса)' и др. (примеры современных польских военных жаргонизмов взяты из [Jędrzejko 2002], [Paślowski 2000]). Как видно из приведённых примеров, «польские» варианты жаргонизмов либо также являются иноязычными заимствованиями (например, *giwera* от немецкого *das Gewehr* 'винтовка, ружьё'), либо созданы по моделям польского словообразования.

При рассмотрении польского военного жаргона в диахронии, т. е. сопоставлении жаргонной лексики, распространённой в межвоенный период и в настоящее время, была выявлена небольшая часть идентичной лексики (например, *ciénki* 'сигарета', *działocznyn* 'артиллерийские учения с использованием орудий'), однако большая часть лексического состава подверглась изменению. Развитие лексем либо пошло по пути усечения основы (*batalionowy* — *baon* 'командир батальона'), либо при сохранении корня начал использоваться другой суффикс или добавилась новая основа (*druziarz* — *drućik, druciąg* 'связист' от пол. *druć* 'провод'), либо в основу жаргонизма был взят иной внешний отличительный фактор (*kanarek* — *bandaż, muchomor* 'военнослужащий военной жандармерии' — в первом случае отличительным признаком является цвет околыша форменной фуражки, во втором — цвет форменного ремня, а в третьем — цвет форменного берета) и др. В жаргонных словосочетаниях изменился один из компонентов при общем сохранении семантики (*pogrzeb zapaliki* '«похороны спички»' — *pogrzeb peta* '«похороны окурка»' — и то, и другое — вид ритуального наказания «молодого» военнослужащего за обнаруженный на территории части мусор).

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о существовании в социолектах вариативности единиц лексического уровня языка как в синхронии, так и в диахронии, что, в свою очередь, говорит о возможности применения сформулированных на материале литературного языка принципов лексического варьирования также к нелитературным формам языка.

Литература

- Коровушкин В. П., Перрон В. Е. Лексический субстандарт в немецком военном подязыке (некоторые понятийно-тематические и словообразовательные особенности) // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006. С. 268–278.
- Нечаевский В. О. Диахронический подход к варьированию единиц лексического уровня языка: постановка проблемы // Вестник Военного университета. № 2 (26). Июнь 2011 г. М., 2011а. С. 73–78.
- Нечаевский В. О. Влияние советской военной субкультуры на формирование польского военного жаргона (вариационный подход) //

- Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 15–17 марта 2011 г.) / Сост. А. Ф. Журавлёв, Н. Е. Ананьева. М., 2011б. С. 332–334.
- Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 2003.
- Jędrzejko M. Koty, wicki i rezerwa: zwyczaje, obrzędy i język “fali”. Warszawa, 2002.
- Pastawski W. 540 Dni w armii. Kraków, 2000.
- Wasilewski P. Zarys historii nieformalnej obyczajowości żołnierskiej. Toruń, 2008.

Модель развития лексического значения и синкретизм как ингерентное свойство языка

М. Вас. Пименова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир, Россия)

Лексическое значение, диахрония, развитие, синкретизм, синкретсемиа.

Summary. The report presents a “spiral” development model of lexical meaning, the functioning of which is *syncretism* as ingherent language feature.

Следует отметить, что развитие лексического значения чаще всего априорно связывается с прямой линией, с движением от простого к сложному, от прямого значения к переносному (Г. Н. Лукина), от дескриптивного / нейтрально-го к оценочному (А. Н. Шрамм, З. М. Петрова, Т. А. Чернякова), от конкретного к абстрактному / отвлеченному (М. Ф. Мурьянов, Г. А. Николаев, М. И. Черемисина) и т. д., однако данная «прямолинейная» модель не учитывает особенности мышления человека на архаичных стадиях развития, которые на языковом уровне проявляются в **семантическом синкретизме** (от греч. *συνκρητισμός* — соединение, объединение, связывание), отражающем нерасчлененность чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека. Подобная «прямолинейность» объясняется, возможно, тем, что большая часть исторических исследований опирается на материал, извлеченный из словарей и картотек, а не из первоисточников, не из древних текстов, что приводит к подмене средневековой ментальности логикой ученых-лексикографов XIX–XXI вв. Как писал А. А. Потебня, «это — взгляд потомка, которому свой образ мысли, своя обстановка кажутся так естественны, что уровень мысли и обычая предков он готов считать (и действительно считает, как некоторые ученые — мифы) неправильным, болезненным отклонением от этой естественности» [Потебня 1968: 217].

Семантический синкретизм представляет собой ингерентное свойство языка — лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии (впервые отмеченное в 1929 г. С. О. Карцевским [Карцевский 1965: 85]), при котором один знак одновременно выражает два (и более) значений (*семасиологический тип семантического синкретизма*) и, соответственно, одно значение выражается двумя (и более) нерасчлененными знаками (*ономасиологический тип семантического синкретизма*) (подробнее см.: [Пименова 2011]).

Наиболее ранние проявления семантического синкретизма — двоичные противопоставления, которые выделены Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым как **славянские языковые моделирующие системы**. Эти синкретичные оппозиции включают в себя абстрактный образ-символ («не локализованный в пространственном, временном и социальном планах»), оценочный компонент («различение положительного и отрицательного по отношению к коллективу и к человеку»), а также конкретное значение качества и / или количества, градуальности, посессивности [Иванов, Топоров 1965: 63–64]. Например, бинарная пара *правый* — *левый* связана с представлениями об ориентации в пространстве, о противопоставлении мужского и женского начала, правильного и неправильного, положительного и отрицательного. Оппозиция *чет* — *нечет* указывает на количество, на противоположность жизни и смерти, мужского и женского, хорошего и плохого. Двоичное противопоставление *свет* — *тьма* (или *белый / красный* — *черный*) отражает нерасчле-

ненные представления о наличии-отсутствии световых колебаний, о вертикальном размещении в связи с символами сакрального плана, о красивом и безобразном, веселом и грустном, хорошем и плохом. Особая семиотическая роль отводится оппозиции *мужской* — *женский*, которую исследователи рассматривают как «свернутую серию» почти всех противопоставлений [Там же: 85–98, 138–140, 175–178].

Кроме того, синкретизм проявляется в семантической диффузности, о чем свидетельствуют, например, «первобытное имя, заключающее в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметной и качественного значений [Потебня 1968: 65–66]; «...исконный семантический синкретизм славянского слова»; слово-синкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» [Колесов 1991: 43] (см. также: Б. А. Ларин, С. Д. Кацнельсон, Л. С. Ковтун, О. Н. Трубочев и др.).

Обобщая наблюдения лингвистов, можно предположить, что некоторые (или даже многие) первоначальные значения и формы слов (*этимоны*) отличает изначальная семантическая нерасчлененность, косвенно подтверждаемая существованием теории и практики так называемой «множественной этимологии», допускающей «одновременное существование нескольких (иногда — многих) семасиологических связей в истории того или иного значения» [Маковский 1996: 6].

Этимон, как мы полагаем, можно образно представить в виде спирали-пружины, сжатой до плоского состояния в *слове-синкрете*, то есть в отдельной (предельной) лексической единице, выражающей *синкретичное значение*.

Лексико-семантическую категорию, которую образуют синкретичные лексические единицы, мы предлагаем называть термином **синкретсемиа** («нерасчлененность значений»), соотносимом с терминами, указывающими на другие семасиологические категории (как общеизвестные, так и малоизученные; ср.: *полисемия*, *моносемия*, *дисемия*, *эврисемия*). Мы полагаем, что синкретсемиа представлена двумя основными типами, которые условно нами обозначены следующим образом: 1) **содержательная (сигнификативная) синкретсемиа** (выраженная *словами-синкретами*; один знак — два и более нерасчлененных значений), 2) **формальная (структурно-синтагматическая) синкретсемиа** (выраженная семантически несвободными словосочетаниями и сочетаниями слов — *синкретами*; одно синкретичное значение — два и более знаков).

Лексическое значение, на наш взгляд, развивается «по спирали»: 1) синкретизм этимона и слова-синкреты (сигнификативная синкретсемиа), 2) трансформация синкретизма — устойчивые минимальные единицы древнерусского текста (структурно-сигнификативная синкретсемиа), 3) расчленение синкретизма в производных словах, образованных от слова-синкреты, 4) синкретизм на новом уровне развития языка — в новых формах и категориях (*гипероним*, *конно-*

тация, метафора, метонимия, слова-символы, «ключевые слова» — имена концептов, фразеологизмы и др.; подробнее см.: [Пименова 2011]).

Литература

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы: Древний период. М., 1965.
Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 85–90.

Колесов В. В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40–49.
Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968.

Существительные, обозначающие звуки голоса: семантика и числовая парадигма

А. В. Птенцова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Семантика современного русского языка; полисемия; числовая парадигма существительных

Summary. Nouns denoting voice sounds can mean single or multiple, short or prolonged sounding; they can imply one or many sound producers. These specific features result in possibility / impossibility to create the plural form or the meaning of this form by such nouns. The Russian nouns GALDEŽ 'hubbub, din' (in its 2 meanings), GAM 'clamour', GVALT 'uproar', GOMON 'hubbub', OR 'shouting', KRIK 'cry', 'shout' (in its 3 meanings) and VOPL' 'scream', 'yell' are considered in the paper in terms of the above mentioned criteria.

Существительные, указывающие на звуки голоса, как и другие имена звуков, могут обозначать, с одной стороны, звуки однократные, дискретные и, с другой стороны, звуки многократно повторяемые и мыслящиеся как некий недискретный континуум, который, в свою очередь, может представляться как один однородный или неод-

нородный звук; эти существительные могут указывать на краткое или длительное звучание; подразумевать одного производителя звука или многих. С этими особенностями тесно связана возможность или невозможность образования формы МН у данных существительных и значение этой формы.

		Недискретный континуум (или многократно повторяемый звук) / дискретный звук	Для случаев недискретного континуума (многократного звука): однородный / неоднородный	Длительный / краткий звук	Коллективный / одиночный субъект	Для сущ. с полной числовой парадигмой: Pl ≈ Sg / Pl ≠ Sg
Sg. tantum	ГАМ	+ / – (см. 1a)	+ / –	+ / – (см. 2a)	+ / – (см. 3a)	
	ГОМОН	+ / – (см. 1a)	+ / –	+ / – (см. 2a)	+ / – (см. 3b)	
	ГАЛДЕЖ 1 (галдеж ворон), ГАЛДЕЖ 2 (людской галдеж)	+ / – (см. 1a)	– / +	+ / – (см. 2a)	+ / – (см. 3c)	
	ГВАЛТ	+ / – (см. 1a)	– / +	+ / – (см. 2a)	+ / – (см. 3d)	
	КРИК 3 ('брань')	+ / – (см. 1d)	– / +	+ / – (см. 2a)	+ / + (см. 3e)	
	ОР	+ / (+) (см. 1b, c)	+ / –	+ / (+) (см. 2a, b)	+ / + (см. 3f)	
Полная числовая парадигма	КРИК 1 (крик птиц), КРИК 2 (Раздался крик: «Стой!»)	+ / + (см. 1d)		+ / + (см. 2c)	+ / + (см. 3e)	+ / + (см. 4)
	ВОПЛЬ	– / + (см. 1e)		+ / + (см. 2d)	+ / + (см. 3g)	– / +

- беспрерывный <беспрестанный> гам <галдеж, ор>, несмолкаемый гомон;
  - Всю ночь из комнаты доносился кошачий ор;
  - Раздался кошачий ор VS ?Кот издал ор;
  - Младенец кричал всю ночь, и его крик не давал никому спать [крик 1]; Со всех сторон доносился крик торговков [крик 2]; Их встречи всегда заканчивались криком и дракой [крик 3] VS первый крик ребенка [крик 1]; раздался крик: «Стой!» [крик 2];
  - Он издал вопль vs. *Всю ночь под окнами слышался чей-то вопль.
- бесконечный галдеж <гам, гвалт, гомон, ор, крик [крик 3]> vs. *недолгий <короткий> галдеж <гам, гвалт, гомон, ор>;
  - После недолгого <минутного> ора младенец замолк;
  - протяжный крик vs. отрывистый <короткий> крик [крик 1 или крик 2];
  - протяжный вопль vs. отрывистый <короткий> вопль.

- Как только переступит она порог, ее встретит гамом и свистом целая толпа (Л. Андреев);
  - В коридоре рядом с кабинетом раздался топот и гомон, [...] слышались шлепки брошенных на пол портфелей (А. Иванов);
  - В бараке галдеж: [...] на дневальных кричат, и дневальные кричат (А. Солженицын);
  - Вдруг все люди [...] стали что-то кричать, поднялся жуткий гвалт (Л. Петрушевская);
  - крик жертвы vs. крик жертв [крик 1 или крик 2]; Было много крику [крик 3; коллективный или одиночный субъект];
  - Он поднял чудовищный ор vs. все-таки я прорвался через всеобщий ор и сказал, что почитаю стихи (А. Вознесенский);
  - воплъ жертвы vs. вопль жертв.
- Всю ночь под окном раздавался чей-то крик <раздавались чьи-то крики> [крик 1 или крик 2].

К вопросу о функционировании библейских фразеологизмов в русском и чешском языках

Н. Райнохова

Карлов университет (Прага, Чехия)

Библеизм, фразеологическая единица, сопоставление, несоответствие, библейские цитаты

Summary. The paper concerns problems Russian–Czech phrases which are typical of texts in Bible. It aims at comparison of texts from Bible that can be found in various Czech translations of Bible and in synodal edition in Russian. The article deals about non-homogeneity of texts (how the texts differ from each other), about titles of books and about expressions of various phenomena. As a result, we can also notice the non-homogeneity of pictures which are known to each nation when reading “Book of Books”.

Библейская фразеология — одна из интереснейших составных современной фразеологии, которая активно развивается и используется не только в русском, но и в чешском языке.

В России, после более чем полувекового перерыва, библеизмы переживают свое «второе рождение». Кроме активного использования в публицистике, в научной и популистической литературе, в последнее время возник целый ряд словарей, посвященных данной проблематике. Библеизмы активно работают не только в своих первоначальных значениях, но приобретают и новые, актуализированные, «приспособляются» к потребностям времени и общества, реагируют на изменения в социальной жизни народа.

В чешской среде процесс использования и активизации библеизмов не такой активный, как в России. Это связано, в первую очередь, с меньшим интересом общества к вопросам религии. Более активная деятельность церкви в постперестроечное время не проходила в Чехии в таком же объеме, как в России.

Однако это не значит, что эта часть фразеологии мало употребляется в чешском языке. Необходимо все же заметить, что при сравнении целого ряда библейских фразеологических единиц, можно наблюдать достаточно большое количество несоответствий, в основе которых лежат культурологические, социальные, конфессиональные и другие причины.

К таким несоответствиям относятся, например, несоответствие библейских текстов как таковых в русском и чешском языках. Например, это то, что русская Библия, в со-

поставлении с чешской, состоит из большего количества книг, чем чешская. Большой проблемой при сопоставлении составляет языковая нетождественность каждой отдельно взятой Библии. Причин этого явления несколько. Во-первых, текст зависит от того, с какого языка Библия переводилась. Первые переводы Библии на национальные языки делались с древнееврейского, арамейского, греческого и латинского языков. На славянские языки Библии переводились сначала с древнеславянского, потом со старославянского языка. Многие зависело от способностей переводчика правильно понять смысл текста в оригинале, адаптировать его с учетом образности, народной символики и менталитета, а также перенести в перевод широкую шкалу специфических библейских образов. Таким образом каждое выражение, появившееся в переводе, отражало влияние оригинала и язык того народа и времени, в котором возникал перевод. Русская Библия переводилась со старославянского или церковнославянского языка, на который переводили Библию Кирилл и Мефодий и их ученики с греческого языка. В отличие от русского языка, на чешский язык Библия переводится чаще. Особенно за последние 100 лет ее язык был несколько раз во многих изданиях модернизирован. Неоднородность текстов разных переводов проявляется не только в старых изданиях, но и в новых.

К следующим несоответствиям относятся «избранность» целого ряда библеизмов, прочно состоящих «основной фонд» библейских цитат народа. Как выясняется, данный фонд неодинаков в русской и чешской среде, несмотря на единство первоисточника.

Конвергентные тенденции в современных деривационных процессах русского и чешского языков

Л. В. Рацибурская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Деривация, интернационализация, экспрессивизация, языковая экономия

Summary. The paper examines the main trends in contemporary Russian and Czech in the derivation associated with the processes of internationalization, expressivization and the language economy.

Усиление конвергентных тенденций в современных славянских языках ученые объясняют действием сходных экстралингвистических факторов: изменением нормативной основы литературного языка под влиянием СМИ; усилением значимости публичной коммуникации и возрастанием экспрессивности общения; возрастанием объема информационного потока, что создает предпосылки для возникновения речевой экономии [Нещименко 2010: 38–39].

Активность префиксов греко-латинского происхождения в процессах именной префиксации исследователи связывают с тенденцией к интернационализации («амероглобализации») в современных славянских языках: особую активность проявляют префиксы *анти-* / *anti-*, *де-* / *de-* с семантикой противопоставления, отрицания, размерно-оценочные префиксы *супер-* / *super-*, *мега-* / *mega-*, *гипер-* / *hyper-*; префиксы *квази-* / *kvazi-*, *псевдо-* / *pseudo-* с семантикой неистинности, ложности; префикс *экс-* / *ex-* с семой ‘бывший’: *антимода*, *антиметодика*, *антигороскоп*, *антипензионер*, *антигламурный*, *антиинтеллектуальный*, *антиэтический*, *антисвинная* (*африканская чума*), *antiradost*, *antismrt*, *anti-autoritářská* (*revoluce v Egyptě*), *anti-homosexuální křesťanská*

organizace; *декриминализация*, *демодернизация*, *деокупация*, *deinspirace*, *deamerikanizace*; *квази-зоомагазин*, *квази-закон*, *квази-вегетарианская* (*диета*), *квази-прямой* (*эфир*), *квазикриминальный*, *квазисоциалистический*, *квазироссийский*, *kvazi-soukromoprávní záležitost*, *kvazi-retro animace*, *kvazi-životopisný* (*film*); *псевдоволонтер*, *псевдоспециалист*, *псевдоразоблачитель*, *псевдополет*, *псевдопоэзия*, *псевдогосударство*, *псевдопатриотический*, *псевдокириллический*, *псевдокоричневый*, *pseudo-úďalosti*, *pseudo-zákonné* (*překážky*), *pseudo-sředověký* (*hrad*); *суперпоезд*, *суперлекарство*, *суперуниверситет*, *суперминистерство*, *суперцель*, *суперпсихолог*, *супертолерантный*, *суперблагополучный*, *супермегаответственный*, *superneogotika*, *supervlezdozadkőznř*, *superchytrý*, *superhrubý*, *superbytosti*; *мегарегулятор*, *мегапредательство*, *мегаграффити*, *мега-рейтинговый*, *megaskok*, *megaskluzavce*, *megalod*, *megabruslení*, *megasecondhand*, *megahustá*; *гиперхудоба*, *гиперненормальный*, *гиперсексуальный*, *hyperpomalý*, *hyperdrahý*; *экс-чиновник*, *экс-градоначальник*, *экс-полковник*, *экс-депутат*, *экс-пензионер*, *экс-сотрудник*, *экс-солист*, *экс-нападающий*, *экс-жена*, *экс-супруг*, *экс-мама*, *ex-divak z1*, *ex-sympatizanta*, *ex-Čech*, *ex-teplický*.

Расширение деривационных и синтагматических возможностей префиксов способствует повышению экспрессивности новообразований. Общая экспрессивизация современной речи в сфере словообразования проявляется в создании экспрессивно-оценочных новообразований по моделям, которые в языке не характеризуются экспрессивностью. Ученые отмечают появление экспрессивного фона у ряда абстрактных существительных: *гомосексуализация (шоу-бизнеса), инстинктивизация (детей), обализм, спамерство, пупырчатость, чутокскость, оклубничивание, deABLizace, «klausovština»*.

Ученые отмечают в последнее десятилетие активизацию окачественных относительных прилагательных, а также прилагательных с градационными суффиксами: *триколорное чиновничество, молниевая быстрота, подфанерный способ, гоповатый вид, мародеристый, internetová vdova, «klausovity»* и др.

Лексикографические труды И. И. Даля и И. И. Носовича как отражение эпохи

И. И. Савицкая

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Национальная лексикография, славянский романтизм, этническое сознание

Summary. V. I. Dal and I. I. Nosovich by means of the dictionaries aspired to allocate the language from among other languages and simultaneously to include them in the general slavic context. This aspiration has been caused by the general tendencies and reflected cultural-historical and social requirements of time.

Вторая половина XVIII и начало XIX в. — это эпоха Просвещения в Южной и Восточной Европе. Для этой эпохи характерны идеалистические представления о роли сознания в развитии общества, желание объяснить общественные недостатки необразованностью людей, стремление к переустройству общества путём распространения научного знания, идей доброты и справедливости, что приводило к созданию единых систем образования, распространению науки и искусства. Вторая половина XIX — начало XX вв. хронологически ещё относятся к Просвещению, однако именно тогда возникают концепции И. Гердера и В. фон Гумбольдта, которые часто квалифицируются как романтизм, поскольку оба философа стали говорить о «духе» отдельных народов. Сфера языка и речи выдвинулась на приоритетные позиции среди гуманитарных исследований, и В. фон Гумбольдт предложил идею о том, что язык играет значительно большую роль, чем просто система знаков для механической передачи информации. Языки национальны и отличны друг от друга, поэтому нужно говорить о неповторимой специфике национальных характеров, которые выражаются в истории и продуктах духовной жизни.

Волна славянского романтизма приблизилась и к восточным славянским народам. Особенно это проявилось в 1840-х и в конце 1860-х гг., когда возродилась идея общеславянского языка, под которым понималась, кроме старой книжной речи, и современная речь, то общее, что свойственно многим живым славянским языкам, что пронёс каждый славянский язык через средневековье. В первой половине XIX в. обострённые национальные чувства в славянских землях вызвали подлинный взрыв общественного интереса к фольклору. Интерес учёных к национальной культуре, связанный вначале с идеями романтизма и углубленный вместе с развитием этнографии, диалектологии и фольклора и других смежных наук, обусловил этнолингвистическое содержание целого ряда словарей общенационального масштаба.

В русской лексикографической традиции таким словарём можно считать «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1–4 тт., 1863–1866, более 200 тыс. слов). В своём труде В. И. Даль представил народную лексику в тесной связи с её фольклорно-этнографической основой: в словаре нашли отражение оригинальные словесные клише, пословицы, поговорки, загадки, а также заговоры, суеверия, обычаи и народная мифология. Стремление автора привлечь внимание общественности к живому русскому слову и его фольклорно-этнографическим истокам, показать «русский дух» определило этнолингвистический подход в словаре,

Общее возрастание экспрессивности речи, по мнению ученых, стимулирует образование деминутивных существительных, прилагательных, наречий: *шансок, банчок, трепеток, сигналчик, циклончик, сепаратненько, efektik, albičko*.

Расширение масштабов деминутивного словообразования рассматривается учеными как одно из проявлений тенденции к языковой экономии наряду с феминной деривацией: *байкерша, гастарбайтерша, чапмениша, керлингистка, гламурница, klausomilka*.

Как проявление языковой экономии ученые рассматривают и образование переходных глаголов с семантикой результативности действия: *пьедесталить, эфирить, ангрейдить, гороскопить, vyudoutubit, tweetovat, vyFacebookovat*.

Таким образом, конвергентные тенденции в деривационных процессах русского и чешского языков проявляются в интернационализации, усилении экспрессивности и возрастании компактности новообразований.

В соответствии с которым В. И. Даль предлагает этнографические комментарии к словарным статьям, среди реестровых единиц словаря значительную часть составляют лексемы — термины традиционной духовной культуры. Хотя работа В. И. Даля по сбору русской лексики велась им самостоятельно, всё же она координировалась «Обществом любителей российской словесности» — литературно-научным обществом при Московском университете. В центре внимания общества были вопросы нормализации русского языка, вопросы культуры речи и путей развития русского литературного языка. Поэтому можно считать, что проблемы объединения в одном словаре общепринятой литературной лексики и лексики живых носителей разных губерний России рассматривались широкими российскими общественными и научными кругами и отражали культурно-исторические и социальные требования времени.

Что касается этнического дискурса применительно к Беларуси, то следует напомнить, что после разделов Речи Посполитой белорусские земли, вместе с польскими и украинскими, оказались в Российской империи. Так русские и белорусы были искусственно объединены в одном государстве, и белорусские земли автоматически подпали под пропагандированное изучение славянства. Хотелось бы, однако, отметить некоторую односторонность и неполноту изучения белорусских земель российскими учёными. Даже работа в т. н. «западнорусском крае» в 1860-х гг. экспедиции Географического Общества, которая должна была описать племенные и бытовые различия народностей западного края, также не способствовала окончательно утверждению самостоятельности белорусского языка и вообще белорусской культуры.

В указанном аспекте может быть рассмотрен «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича (1870 г., 30 тыс. слов), запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного говора и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности. Основными источниками для словаря были собственные записи И. И. Носовича, а также материалы из им же ранее составленного «Алфавитного указателя старинных белорусских слов». Кроме того, многие слова были из старобелорусских письменных источников и немногочисленных на то время фольк-

лорных и этнографических изданий. Однако в результате работы над лексикой одного из т. н. «наречий» И. И. Носович достиг значительно большей цели: собранный словесный материал зафиксировал не просто «наречие», а самостоятельный язык, способный продуцировать единицы, пригодные для разных коммуникативных задач. «Словарь белорусского наречия» положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём. В своём словаре И. Носович в качестве реестровых единиц и компонентов иллюстрационного материала поместил слова и словосочетания — выразители мифологических взглядов и этнографической характеристики белорус-

ского народа, снабжённые историческим и краеведческим комментарием, который придал словарю определённую историко-культурную ценность.

Общее между словарями В. И. Даля и И. И. Носовича то, стремление их составителей выделить свой язык из числа других языков и одновременно включить их в общеславянский контекст было вызвано общей просветительско-романтической волной изучения духовного наследия народа и исторической тенденцией к консолидации нации: для русского народа и российской лексикографии это вопросы нормализации и путей развития русского литературного языка. Для белорусского — наспевшая необходимость выделиться из границ «западноруссизма».

Антонимы в македонском языке с русскими эквивалентами и примерами интерференции

Р. Тасевска

Университет Святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Словарь антонимов, македонский язык, русский язык, интерференция

«Словарь антонимов македонского языка с русскими эквивалентами», изданный филологическим факультетом им. Блаже Конеского университета в Скопье (2011 г.), объемом в 519 страниц, может использоваться в преподавании македонского языка для иностранцев и в преподавании русского языка для македонцев.

Структура «Словаря» включает разнокоренные и однокоренные слова (разнокоренные и однокоренные антонимы). Среди однокоренных антонимов, которые называются также грамматическими или аффиксальными антонимами, выделяется значительная группа слов, в основном глаголы и прилагательные иностранного происхождения, получающих противоположное значение благодаря соответствующим антонимным префиксам (например: *влезе — излезе = воити — выйти, внесе — изнесе = внести — вынести, отвори — затвори = открыть — закрыть*) или при помощи префиксов, придающих словам противоположный смысл. В македонском языке это чаще всего: *не-, без-, анти-, контра-, а-, против-, де-, дез-, диз- (дис-), и- аб-*; в русском: *не-, без- (бес-), а-, анти-, контр-, против-, де-, дез- (дес-), диз-, (дис-) — убав — неубав = красивый — некрасивый, морален — аморален = моральный — неморальный, тактичен — нетактичен = тактичный — нетактичный / бестактный, напад — противнапад = атака = контратака*.

Большинство антонимов являются словами с разными корнями. Разнокоренная антонимия охватывает самые значительные лексическо-грамматические классы (группы слов), а именно, прилагательные, наречия, существительные и глаголы: *висок — низок = высокий — низкий, мал — голем = маленький — большой, добар — лош = хороший — плохой; горе — долу = вверх(у) — вниз(у), блиску — далеку = близко — далеко, брзо — бавно = быстро — медленно; почеток — крај = начало — конец, вистина — лага = правда — ложь, подеи — пад = подём — упадок; крева — спушта = поднимать — спускать, сака — мрази = любить — ненавидеть*.

Семантическая классификация антонимов основывается на способе противопоставления. В зависимости от характера противопоставления антонимы подразделяются на соответствующие классы: по степени градации или ступенчатые антонимы, комплементарные, когда отрицание одной пары придает значение другой, так как между ними нет ничего общего, и векторные.

В дальнейшем на примерах из «Словаря» мы остановимся на интерференции между македонским и русским языком.

Термин «интерференция», заимствованный из физики, начал применяться для обозначения взаимного влияния языков с середины 50-х гг. прошлого века. До недавнего времени это понятие рассматривалось главным образом в контрастной лингвистике, где под интерференцией понималось

нарушение языковой нормы под влиянием элементов другого языка, как и процесс влияния одного языка на другой. Имеются в виду случаи, когда говорящий нарушает языковую норму, бессознательно привнося структуры из другого языка [Алексеева 2004: 170]. Такие нарушения или ошибки могут иметь место в фонетике, лексическом составе, грамматических формах.

Ошибки являются важной частью процесса обучения. Их констатация и анализ облегчают изучение языка [Црвенковска 1996].

В свою очередь, ошибки легче и успешнее всего можно предотвратить, если преподаватель владеет родным языком или языком-посредником учащегося.

Влияние родного языка или языка-посредника может иметь положительное воздействие, то есть помогать в освоении иностранного языка [Методика 1988: 31]. Принцип влияния или интерференция иногда называется принципом опоры на родной язык или язык-посредник, но бывает и так, что язык, которым владеет учащийся, представляет собой прыжок вперёд при изучении иностранного языка, то есть усвоенные лингвистические нормы применить в изучаемом языке.

Семантизация с помощью антонимов применяется в том случае, когда одна из пар известна слушателям. Работа с антонимами может использоваться на всех этапах обучения. Практика показывает, что работа с антонимами полезна для учащихся, так как антонимы часто представлены в пословицах и поговорках, народных сказках, поэзии и т. д., к которым на занятиях всегда проявляется живой интерес [Розенталь 1998: 73]. Прежде всего потому, что данные фольклорные жанры с одинаковым или похожим содержанием известны в языках всех народов, особенно близких. Через их посредство вносится в преподавание и культурологический элемент.

Внимание уделяется «ложным друзьям» переводчика в области лексики между генетически родственными языками — между македонским и русским — на примерах из «Словаря антонимов в македонском и русском языке с русскими эквивалентами». Опасность ложных пар возникает и опирается на родство языков. Она вызвана желанием угадать, предположить значение слова, основываясь на сходстве родственных языков [Jelaska, Hrđica 2005].

Наряду с «ложными друзьями» переводчика из словаря, мы приводим несколько типичных примеров, которые не создают антонимические пары.

Иностранцы, приезжающие из других университетов, — это в основном слависты, и русский язык является для них языком-посредником при освоении македонского. Поэтому «Словарь антонимов в македонском и русском языке с русскими эквивалентами» будет полезен всем славистам, а при-

веденные примеры «ложных друзей переводчика» представляют собой предупреждение возможных будущих препятствий на уровне лексики и грамматики.

Литература

Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. СПб.; М., 2004.

Црвенковска Е. Македонскиот јазик како странски — карактеристични грешки при усвојувањето // *Folia Philologica Macedono-Polonica*. Т. 4. Скопје, 1996. С. 127–132.

Методика (заочный курс повышения квалификации филологов-руссистов / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1988.

Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1998.
Jelaska Z., Hrčica G. Hrvatski kao drugi i strani jezik // *Jelaska Z. i suradnici. Hrvatska sveučilišna naklada. Zagreb, 2005. S. 286–298.*

О тенденциях развития хорватской фразеологии

Ж. Финк

Загребский университет (Загреб, Хорватия)

Новая хорватская фразеология; переход в пассивный фонд; новые значения фразеологизмов; кальки из английского языка; компоненты, заимствованные из иностранных языков

Summary. The paper deals with the relatively new Croatian idioms and with the tendencies of the development of Croatian phraseology: 1) some idioms are not in active use any more, 2) some idioms got new meanings (so they are used with the old and the new meanings), 3) some idioms are used in the translated way, 4) some idioms contain elements from various foreign languages.

Говоря о новой хорватской фразеологии, можно говорить о нескольких тенденциях ее развития.

1. Часть фразеологизмов переходит в пассивный фонд, т. е. употребляется редко или все реже (особенно молодым поколением). Приведу несколько таких оборотов:

musti jarca <u rešet> ‘заниматься пустяковым делом, ловить (считать) ворон (галок)’;

obradi bostan ‘потерпеть неудачу, попасть впросак’;

ostati za sjeme ‘быть (оказаться) исключенным из чего, быть (оказаться) забытым (заброшенным, оставленным без внимания) [об. без своей вины]’;

s oka s boka ‘любим способом, не выбирая средств’;

živo srebro ‘живой (подвижный) ребенок (человек)’.

2. Один из вариантных компонентов уходит из активного употребления, в то время как другой остается в употреблении. Так, например, во фразеологизме *dok (prije nego <što>) kažeš keks (britva)* (‘сразу, в мгновение ока, с быстротой молнии’) компонент *britva* гораздо реже встречается в современных текстах и в речи, чем его субстантивный вариант *keks*. То же самое происходит и с субстантивным компонентом *Kosovo* в обороте *ravno je <sve> do mora (Kosova) кому* (‘все равно кому, все ни о чем кому’).

3. Фразеологизмы, уже давно существующие в хорватском языке, получают новые значения, причем они употребляются наряду со старыми. Так, например, значение оборота *imati tri čiste* — ‘взять на себя смелость, быть <из> храброго десятка’ зафиксировано в словарях, причем, надо напомнить, что данный оборот чаще употребляется в антонимической форме *nemati tri čiste* (‘быть <из> робкого десятка’). В последнее время развилось новое значение отрицательной формы *nemati tri čiste* — ‘ничего не смыслить в чем, ни сном ни духом не знать (не ведать)’. Интересно, что обороты и дальше развиваются на семантическом плане. Обоим фразеологизмам добавлен и факультативный компонент *u glavi*, и они получили новые значения: *nemati tri čiste <u glavi>* — ‘ум короток у кого, быть без царя в голове’ и противоположный *imati tri čiste <u glavi>* — ‘быть умницей, ума палата у кого’.

4. В современном хорватском языке появляются и новые фразеологизмы. Их можно разделить на три подгруппы.

4.1. Первая подгруппа относится к оборотам, состоящим из компонентов хорватского происхождения. Приведу несколько примеров:

do bola ‘сильно, в большей или меньшей степени’;

do jaja — фразеологизм употребляется как наречный (‘1. отлично, изумительно, весьма качественно; 2. сильно, в большей или меньшей степени’) и как адекватный (‘отличный, изумительный, весьма качественный’);

čuditi se kao pile glisti ‘диву даваться, делать большие глаза’;

izgledati kao da je voda donijela koga ‘выглядеть как чучело, иметь нелепый вид [об. о лице]’;

biti (postati) kao vegeta ‘вмешиваться (лезть) в чужие дела’.

4.2. Во вторую подгруппу входят фразеологизмы, калькированные из иностранных языков, причем в последнее вре-

мя речь идет в основном о кальках из английского языка. Приведу несколько новейших калек:

kostur u ormaru ‘некто долгое время скрываемое кем-либо как постыдное и компрометирующее его в глазах других людей’ [*< a skeleton in the cupboard, BrE, AustralE; a skeleton in the closet, AmE*];

napraviti domaću zadaću ‘совершить все подготовительные действия с целью качественного выполнения работы’ [*< do your homework*];

pojesti za doručak koga ‘уничтожить кого, стереть в <мелкий> порошок кого’ [*< eat sb for breakfast*];

u istom čamcu ‘в одной лодке’ [*< in the same boat*];

usred ničega ‘у чёрта на куличках (poгах)’ [*< in the middle of nowhere*].

4.3. Третью подгруппу составляют сравнительно новые фразеологизмы, в качестве компонентов в которых выступают слова, заимствованные из иностранных языков. Надо подчеркнуть, что здесь речь идет не о кальках. Большинство слов, входящих в упомянутые обороты, давно вошло в хорватский язык (ср. *pekmez, pašeta, banana, koma*), в то время как полностью адаптированный англицизм *bed* (< bad) начал употребляться сравнительно недавно.

Упомяну сначала два оборота, в состав которых вошли слова, относящиеся к кулинарии и заимствованные из немецкого (*pašeta* ‘паштет’) и турецкого (*pekmez* ‘повидло’) языков.

Фразеологизм *iskočiti (izletjeti) iz pašete* со значением ‘внезапно (неожиданно) появиться / о лице /’ первым употребил бывший президент Хорватии Степан Месич во время предвыборной кампании в 2005 году, говоря о своем конкуренте.

Оборот *uhvatiti (uloviti) koga s prstima u pekmezu* (‘обнаружить [поймать] кого в нелегальном [преступном] действии’) активнее начали употреблять в связи с нелегальными действиями в одной хорватской компании, специализирующейся на производстве пищевых продуктов.

Весьма интересной является и группа фразеологизмов, в качестве компонента в которой выступают слова иностранного происхождения. Это англицизм *bed*, грецизм *koma* (‘кома’) из медицинской терминологии, а также образованное от него прилагательное *komatozni* (‘коматозный’) и романизм *banana* (‘банан’): *biti u bedu, biti u komi, biti u komatозnom stanju, biti u banani*. Они образованы на основе уже существующей модели, субстантивным компонентом в которой выступает существительное, являющееся вулгаризмом в большей или меньшей степени (ср. *biti u govnu, biti u dreku, biti v riti*). Они имеют общее значение, относящееся к лицу: ‘быть в плохом настроении, быть не в духе’, причем три последних оборота могут относиться и к предмету, и тогда выражается значение ‘быть в плохом состоянии’. Все три компонента включены еще в обороты *baciti / bacati u bed koga, baciti / bacati u komu koga, baciti / bacati u bananu koga* (‘привести / приводить в отчаяние кого’), причем они снова наслаиваются на существующую модель (ср.

baciti / bacati u očaj koga). Количество фразеологизмов с данными субстантивными компонентами все еще увеличивается, причем больше всех развилось гнездо с компонентом *bed: pasti / padati u bed* ('впасть / впадать в отчаяние'), *bed je komu* ('неприятно (неловко) кому'), *nemaš beda* ('все в порядке, нет проблем'), *nije bed* ('все в порядке, нет проблем'), *bez beda* ('1. без стеснения, без церемоний; 2. без проблем'); *dovesti u komatozno stanje koga* ('испортить настроение кому'); *otići u bananu* ('пойти к черту'). На основе фразеологизмов с компонентами *bed* и *kota* образовались

глаголы (*zbedirati / bedirati, zbedirati se / bedirati se, skomirati se, ukomirati se*) и причастия (*zbediran, skomiran, ukomiran*). Они в основном относятся к человеку, который, во-первых, плохо себя чувствует, который не в духе, а во-вторых, к тому, кто принял большое количество спиртного или наркотиков. Надо напомнить, что данная группа фразеологизмов и образованных от них слов в основном считается жаргонной, но в последнее время сфера ее употребления расширяется, и такие обороты встречаются и в текстах, выходящих за рамки жаргона (напр. в публицистике).

О некоторых особенностях означающего и означаемого в языковой игре

М. Ф. Шацкая

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аномалия, инкорпорация, семантическая редукция, эскампорация, языковая игра

Summary. The paper deals with different transformation types of lexical and syntactical units of language which emerged within language game while semantic of lexemes, syntaxemes and sentences becomes actual. The role of above mentioned units for determination of different types of transformation is defined.

Языковая игра — лингвокреативный феномен дискурса, имеющий ассоциативную природу и подразумевающий нестандартное использование любых языковых единиц и / или категорий для создания остроумных высказываний (см. работы Т. А. Гридиной, А. П. Сквородникова). Имея непосредственное отношение к оппозиции норма / аномалия, языковая игра создает такие условия, в которых возможны трансформации единиц разных уровней языка.

Возникновение семантически редуцированных элементов в составе поверхностной структуры предложения вызвано нарушением *кумуляции* (об этом понятии см. работы Е. В. Падучевой, Г. Г. Почепцова). Для инкорпорированного участника эксплицироваться нежелательно, так как ведет к избыточной вербализации пресуппозитивного компонента семантики слова (см. работы Т. Б. Радбиля, Ю. А. Левина), за исключением некоторых лингвальных условий, способствующих созданию языковой игры. Именно на окказиональной эскампорации основан игровой момент, причем она может касаться всех участников ситуации. Так, энциклопедическая информация слова *ух* — 'орган слуха, располагающийся на голове человека' — ставит запрет на эскампорацию семантического участника *голова* в примере: *К тому же я мерзну. Прошлую зиму, будучи холодно, я не обладал вигоневых кальсон и шапки. Знаете, чем это кончилось? Я отморозил пальцы ног и уши головы!* (С. Довлатов «Чирков и Берендеев»). В данном контексте происходит семантическая редукция лексемы *голова*: на поверхностном уровне предложения синтаксическая позиция занята, на глубинном — указанный элемент семантически опустошен (и лексически, и синтаксически), хотя языковое значение за ним сохраняется, так как относится к фактам узуса. Появление в речи не предусмотренных правилами сочетаемости компонентов делают последние коммуникативно неоправданными.

Устранение одного из слов в предложении дает возможность читателю самостоятельно восстановить его из контекста: *Наверное, каждому человеку, смиряя себя Веня, надо не только выполнять свое рабочее предназначение, но еще и слыть* (С. Есин «Гладиатор»). Глагол *слыть* обозначает 'быть известным в качестве кого-, чего-либо, считается кем-, чем-либо' (МАС); ранговый статус За кадром получает и аномально инкорпорированный участник Оценка / Признак. Но на глубинном уровне семантика предложения статична. Говорить о том, что такой компонент в семантической структуре предложения все же есть, позволяет присутствие сильной синтаксической связи, нормативная реализация которой в речи предполагает наличие материально выраженного зависимого компонента. Лексическая семантика при этом редуцируется до абсолютного нуля, так как присутствующая здесь гипотетичность не может быть поводом признания точного разрешения коммуникативного задания.

Ономасиатив с субъектной характеристикой становится в реплике одного из героев (редактора) семантически не опре-

деляемым актантом, что обусловлено как интралингвальной причиной — межуровневой аттракцией единиц фонетического, лексического и морфологического уровней, так и экстралингвальной — отсутствие должного уровня энциклопедических знаний: [Редактор] «*Вы нас попросту компрометируете. Мы оказали вам доверие. Делегировали вас на похороны генерала Филоненко. А вы, как мне стало известно, явились без пиджака*». — «*Я был в куртке*». — «*На вас была какая-то старая ряса*». — «*Это не ряса. Это заграничная куртка. И кстати, подарок Леже...*» — «*Что такое „леже“?»* — *поморщился редактор*. — «*Леже — выдающийся французский художник. Член коммунистической партии*». — «*Не думаю*», — *сказал редактор* (С. Довлатов «Куртка Фернана Леже»).

Несогласованность семантического наполнения и коммуникативной заданности компонентов высказывания можно увидеть в следующей игре при обращении к традиции, этикету: *Надо выпить, — вставил Рымарь, — за мирное урегулирование Суэцкого кризиса! За присоединение Эльзаса к Лотарингии!* (С. Довлатов «Креповые финские носки»). Тосты-штампы как один из видов речевого стандарта свидетельствуют о бедности мысли и речи. А в данном употреблении заложенная в высказываниях эмотивность, оценка никак себя не проявляют, сигнализируя лишь об «опустошении» языковой семантики как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. С точки зрения синтактики нарушения норм не регистрируются (глагольные валентности заполнены грамматически правильно), однако высказывания аномальны коммуникативно, хотя их прагматическая заданность не устраняется. Такие языковые единицы превращаются в реплики-пустышки (коммуникация ради коммуникации).

У отдельных слов может происходить частичная актуализация лексического значения: у глагола *пользоваться* — 'обращаясь, прибегая к чему-нибудь для своей надобности, получать нужное, осуществлять желаемое' (Русский семантический словарь) — актуализируются только классемы 'собственно активное действие', 'деятельностное состояние' и граммема 'процесс', вследствие чего в глагольном сочетании *пользоваться фотографическим аппаратом* коммуникативно оправданной является не вся заключенная в нем информация, что обусловлено экзистенциальной пресуппозицией (по сюжету произведения герой попадает в будущее Советской страны): *Но у нас, извиняюсь почтительно, фотографическими аппаратами пользоваться разрешается, а светочувствительными элементами — нет* (В. Войнович «Москва 2042»). Как видим, на синтаксическом уровне семантика стабильна, но синтактика языкового знака будет основана только на валентности по интегральным семам, что объясняется частичной лексической редукцией.

Итак, языковая игра может строиться на присутствии аномально инкорпорированных и эскампорированных актантов. Наличие семантики первых поддерживается сильной

синтагматикой, вторые же контекстуально редуцируются. Этому процессу могут подвергаться также целые высказывания, построение которых не противоречит узусу, но в конкретной ситуации общения их первичный смысл становится «законсервированным», они становятся коммуникативно и интенционально закрытыми синтаксическими структурами. Синтактика языковых знаков при этом может быть сигналом полноты семантической структуры предло-

жения, либо сама может быть аномальным явлением в условиях языковой игры.

Все рассмотренные выше факты позволяют говорить об асимметричном дуализме языкового знака, открытом С. О. Карцевским, не только в направлении от плана выражения к плану содержания, но и, наоборот, — от (редуцированного) плана содержания к плану выражения на уровне речи / дискурса.

Бранная лексика в художественном дискурсе Г. Сковороды

Т. С. Шевчук

Измаильский государственный гуманитарный университет (Измаил, Украина)

Лексема, бранный, табуированный, критика

Summary. the article deals with the analyses of the abusive vocabulary in the philosophical dialogues of G. Skovoroda.

*...слово часто или смертно уязвляет,
или в кураж приводит душу*

Г. Сковорода

Личность и творчество Г. Сковороды (1722–1794) во многом выходят за рамки традиционных представлений о человеке и литературе XVIII века. Это выражается в принципиальной жизненной позиции мыслителя (отказе от заманчивых для представителя простого сословия карьерных предложений), критике православной церкви относительно процветающего в ней «лихвоиманія», «мздаискательства», слепого следования обрядам и, в частности, не символического («фигурального»), а дословного прочтения Библии, вследствие чего, по выражению Г. Сковороды, *богодыиущая* Книга книг, *страна и царство любви, мысли Божія, сердце вѣчное* и т. д. превращается в *ложь, дурную и несложную дуду, бодуцый терновник* и пр. [Сковорода 1973, I: 370]. В этом контексте не должно вызывать удивления довольно частое обращение мыслителя к бранной лексике, что позволяло ему семантически усиливать ряд проводимых акцентов.

Подчеркивая критический взгляд Г. Сковороды на реалии XVIII века, следует упомянуть и о нравственном максимализме философа, который, по выражению Д. Чижевского, был «духом, всё принимающим, всё объединяющим» [Чижевский 2003: 40]. Достаточно вспомнить скромный образ жизни «украинского Сократа» (Д. Яворницкий), отказ от материальных благ, учительство, религиозность, тонкое и глубокое эстетическое мировосприятие. Напомним, что смысл и цель человеческой жизни Сковорода видел в душевном равновесии, которое обеспечивает состояние гармонии и приподнятое настроение духа, часто называемое им «куражом». Так, забавляясь, «родоначальник российской философской мысли» (А. Лосев) активно использует недопустимые для высокого стиля его эпохи выражения и вводит некоторые неологизмы, характерные для сковородиновского *lingua mixta*.

В лексико-тематических группах русской бранной лексики различают (типология проф. В. М. Мокиенко): наименования лиц с подчеркнuto отрицательными характеристиками; «неприличных», социально табуированных частей тела; процесса совершения полового акта; физиологических функций (отправлений); «результатов» физиологических отправлений. Примерами служат эмоционально окрашенные цензурные выражения, лексемы обценного характера и эвфемизмы [Мокиенко 1994].

В лексиконе Г. Сковороды можно встретить слова, относящиеся преимущественно к первой группе ругательств. Часто употребляется слово *дурак* (*слушай ты, дурак, ты высокій дурак, архидурак, сладкорѣчивый дурак, умные дураки* и пр.). По подсчетам составителей конкорданции к творчеству Г. Сковороды, профессоров университета Альберти (Канада) Наталии Пилишюк и Олега Ильниченко, в творчестве мыслителя насчитывается 34 слова с корнем *дур-* (*дур, дурацкий, дурачиться, дурногласный, дурномудрый* и др.) с общим количеством 83 словоупотребления данных лексических единиц [Online Concordance... 2010]. К этой же группе относится лексемы *болван, чучела, грязь*

(*полно врать, непросвѣщенная грязь*), *собака* (*вы собаки, песіи люди, сам Христос... называет псами*), *скот(ина)* (*как буйную скотину встрѣтив, плотомудрствующія скоты, можно ли этим скотам что-либо внушить, стада скотскіе бродят в головь твоей, нас, простаков, называют скотинами* и пр.). В целом, широкий спектр зоонимов наиболее часто служит символической иллюстрацией мировоззренческих взглядов философа (*ты-то сам и телец, и козел, и баран, и елень, и все; ты и земля, и звѣрь, и скот, и дерево, и виноград, и дом*). В гендерном аспекте бранные слова, как правило, герои автора адресуют особам мужского пола, хотя отрицательные характеристики охватывают и противоположный пол (*слушай ты, дура, знает сіе всякая дура, самое подлое бабское мнѣніцо* и пр.). Не следует забывать, что речь идет о художественном дискурсе писателя, который имел своеобразное чувство юмора и придерживался передовых для своего времени взглядов на равноправие полов. Кроме того, бранная лексика часто вложена в уста отрицательных персонажей его диалогов или содержится во вставных частях, пересказах исторических анекдотов, баснях и пр.

Для определения пустословия Г. Сковорода использует глагол *козлогласовать* (*суетѣр бражничают и козлогласует нелѣбную*) и производное от него понятие *козлогласование*, употребляющееся в том же значении. Автор применяет основу *блядо-* для различных словообразований, как-то: *блядокрасующійся / блядокрасіе, блядословный / блядословіе, блядивый / блядун, блядогласный, блядолѣпный, блядоукрашенныя* [Сковорода 1973, II]. Эти характеристики не служат описанию распушенности определенных субъектов, а отражают сущность пустых мирских страстей. Так, отрицательные оценки применяются автором не только к физическим особам, но и для обозначения качеств отдельных предметов. Для определения негативных свойств неодушевленных объектов используются лексемы *сволочь, урод, дрянь* с доминирующим словоупотреблением последней (*вся сія дрянь дышет богом и вѣчностью, плотскія твоя дряни, всю содомскую дрянь* и пр.). Среди наименований неприличных частей тела встречаем *афедрон* (*афедрон со всяким свои лицем есть афедрон, бархатом украшеннаго афедрона*), *ят(д)ра* (*вырезали для царствія небеснаго свои ятра* и пр.).

Как убежденный вегетарианец, на протяжении многих лет принимавший пищу всего один раз в день, Г. Сковорода с отвращением касается вопросов чревоугодия. Для характеристики физиологических процессов он часто использует глагол *жрать* в конкретном значении (*много жрать, прѣмного жрет, обжираться, пожертное ими, мясо то отрѣзая, то отгрызая, жрали, начал во весь опор жрать, нажрався по уши, проклятая прожорливость*), а также в абстрактно-метафорическом (*потоп, всѣх пожирающей, пожрет водная бур*), *ложь жерет* и пр.). К этой тематической группе относятся употребляющиеся не в прямом значении глаголы *блевать* (*выблюй застарѣлые мнѣнія, злой день изблюет благаго, что се изблевал еси?* и пр.), *рыгать* (*слово отрыгает, лжею рыгает, отрыгнул... славу* и пр.) и в конкретном значении глагол *мочиться* (*мочаціе к стене градской*).

Некоторые табуированные слова Г. Сковорода использует в качестве примеров результатов физиологических отравлений: *мотыла*¹, *лайно* (*лайно, мотыла, дрянь, грязь, гной человеческий; обвивую... мотылу; оставь сей весь физический гной и мотылу; в лайнѣ мотыл скотских*); *урына* (*псов урыны, отврати устремляющуюся на корень урыну, урынало*); *блевотина* (*на свою блевотину, потоп зміиных блевотин, лстиваго языка блевотинами* и пр.), *отрыжка* (*с бараньюе уже отрыжкою*). В традициях эпохи барокко он символически осмысливал «низкие» образы и, в частности, дал следующее разъяснение наиболее часто используемому им концепту: «Блевотина есть то нечистое сердце, пѣнящееся и клокочущее, аки морскими волнами, похотьюми мірскими. Они суть честолюбіе, сребролюбіе, сластолюбіе» [Сковорода 1973, I: 74].

Встречающиеся в диалогах Г. Сковороды табуированная лексика не несет обценного подтекста, а относится к кате-

гории эмоционально-экспрессивных слов. В духе барочной эстетики автор использовал ее для демонстрации отрицательных свойств критикуемых им явлений или субъектов. Следует также учитывать тот факт, что он не рассчитывал на публикацию своих трудов, написанных для узкого круга друзей. В целом, полученные результаты позволяют обогатить представления о процессе исторического формирования славянских языков в области бранной лексики и фразеологии.

Литература

- Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. № 1 / 2. Берлин, 1994. С. 50–73.
Сковорода Г. С. Зібрання творів: У 2 т. К., 1973.
Чижевський Д. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003.
Online Concordance to the Complete Works of Hryhorii Skovoroda: <http://www.arts.ualberta.ca/~ukr/skovoroda/NEW>.

Фонетические преобразования и «ложные друзья переводчика» в русском и польском языках

И. А. Шушарина

Курганский государственный университет (Курган, Курган)

«Ложные друзья переводчика», польский язык, русский язык, фонетические изменения

Аннотация. Исторические фонетические преобразования иногда приводят к неоправданному сближению неродственных слов, что вызывает возникновение явления «ложных друзей переводчика». В тезисах указываются основные фонетические процессы, которые могли вызвать такое сближение.

Изучение русско-польских лингво-исторических параллелей привело нас к такому языковому явлению, как «ложные друзья переводчика» — созвучным межъязыковым лексемам, которые в силу относительной произвольности звуковой оболочки слов, условности связи между означаемым и означаемым имеют несовпадающие смыслы.

«Ложные друзья переводчика» возникают по разным причинам, среди которых можно назвать следующие:

а) случайное совпадение заимствования и общеславянского слова (из общеслав., *лѣд* ‘замерзшая и затвердевшая вода’ — из др.-в.-нем. Land ‘земля, поле’ — *lād* ‘суша’) или двух заимствований из разных языков-источников (из голл. *broek* — *брюки* ‘верхние штаны’ — из ср.-нем. *brugge* — *bruk* (М., I. мн.: *bruky*) ‘бульжная мостовая’);

б) актуализация разных сем заимствованного слова из одного языка-источника (из фр., восх. к тур., перс., *диван* ‘предмет мебели с длинным сиденьем, спинкой и ручками и валиками’ — *dywan* ‘ковер’, из фр. *parapet* ‘невысокая заграждающая стенка, перила’ — из фр. *parapet* ‘подоконник’);

в) семантические сдвиги (*час* ‘время’, ‘пора’ — *czas* ‘мера времени в 60 минут’, ‘промежуток времени, отводимый на урок, лекцию’; *пытать* ‘допрашивать, применяя физическое насилие, истязая’ — *pytać* ‘спрашивать’);

г) одинаковые словообразовательные модели, реализующие разные значения (*запад* ‘одна из четырех сторон света’ — *zapad* ‘люк (в полу)’ — модель: приставка *za-* + корень *pad-* ‘падать’);

д) фонетические преобразования, которые сблизили ранее не похожие по звучанию слова (*чернь* — ‘чернота’, ‘гравировка’, ‘простой народ’ — *cierni* ‘шип, колючка’, ‘тёрн, терновник’; *смерч* ‘вихрь, возникающий в грозовом облаке’ — *śmierć* ‘смерть’; *стул* ‘сиденье на ножках со спинкой, на одного человека’ — *stół* ‘широкая горизонтальная пластина на опорах, ножках; стол’).

При анализе русско-польских «ложных друзей переводчика» мы отметили немало соотносительных пар, на возникновение которых оказали влияние всевозможные исторические фонетические преобразования, действовавшие в разные эпохи в родственных языках. Как правило, это изменения, проходившие в период самостоятельного существования языков: вторичное смягчение полумягких согласных, лабиализации, изменения, связанные с носовыми гласными, редуцированными, так называемым «ятем», контракцией и т. п.

К наиболее ранним процессам, которые могли привести к совпадению ранее по-разному звучавших слов, относится преобразование сочетаний «гласный + сонорный» между согласными. Речь идет о польских перестановочных сочетаниях, которые совпали с исконными сочетаниями «сонорный + гласный *o, e*» или с рефлексами древних сочетаний «сонорный + редуцированный». Так, польское прилагательное *krowi* ‘коровий’ < *korvъj после преобразования сочетания *og и в результате процесса контракции приняло вид, сближающий его с формой Р. — Д. — П. п. ед. ч. от существительного *krówe* — *krówi* (> *крѡви*).

Процесс контракции, неравномерно протекавший в польском языке с XII по XVI вв., коснулся прилагательных, местоимений и некоторых глагольных форм. В результате прилагательное *poźnyj ‘ножной’ стало звучать как *poźny*, что привело к его совпадению с русским существительным *ножны* ‘футляр для сабли’; глагол *ustojaty ‘устоять’ стал звучать как *ustać*, что привело к его сближению с русским глаголом *устать* ‘утомиться’.

Еще один фонетический процесс, приведший к совпадению русских и польских слов, — одна из так называемых лехитских перегласовок: **e + t* → ‘*ot*, где *t* — твердый переднеязычный согласный. Так, общеславянское слово *stol преобразовалось в русском языке в *стол*, в старопольском — в *stoł*, однако соседство с велярным переднеязычным согласным в польском языке привело к сужению гласного *o* и слово стало звучать как [stuu] *stól*. Такое звучание ложно сблизило его с русским словом *стул*. Подобный процесс наблюдаем также в словах *obróbka* [obrupka] ‘обработка’ (от *robić* ‘работать’, ср. рус. разг. *робить*) — русское *обрубка* [obrupka] (от *рубить*); *obóz* [obus] ‘лагерь’ — *обуза* ‘тягостная обязанность’, ‘то, что отягощает’; *gród* ‘ист. город-крепость’ — *грудь* ‘верхняя передняя часть туловища’; а слово *nałóg* [nauuk] ‘дурная привычка’ сблизилось с русским предложно-падежным сочетанием *на луг*.

Самое большое количество ложных совпадений вызвал процесс вторичного смягчения полумягких согласных, который в польском языке носил переходный характер. Этот процесс интересен тем, что носители русского языка при переводе польских текстов то учитывают результаты этих изменений, то игнорируют их, однако неадекватный перевод может произойти и в том, и в другом случае. Так, из общеславянского *tytpъ возникло польское *cierni* [č’erni] ‘тёрн,

¹ Г. Сковорода деликатно разъясняет в примечаниях «Мотыла есть ветхославянское слово, римски — excrementum» [Сковорода 1973, II: 61].

терновник', 'шип, колючка', фонетически совпадающее с русским *чернь* — 'чернота', 'гравировка', 'простой народ'; из общеславянского *zěvatъ возникло польское *ziewać* [ʒ'evač'] 'зевать', сблизившееся с русским *жевать* 'разминать зубами и движениями языка во рту'.

Эти и другие фонетические изменения, произошедшие как в польском, так и в русском языках, привели к случайному совпадению разных лексем, что затрудняет процесс

слухового и зрительного восприятия текста на неродном языке и его перевод. Явление «ложных друзей переводчика» требует серьезного изучения.

Литература

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2006.

Новые термины изобразительного искусства в русском языке

Янь Ланьлань

Чжанчунь, Китай — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Терминосистема, изобразительное искусство, заимствованная лексика, профессиональный дискурс

Summary. The report investigates terms of visual art, which have appeared in Russian language for last decades of the 20th century because of the development of computer technology and of the synthesis of traditional and modern kinds of painting. The report explores the methods of how the loaned English terms have been localized in the Russian language. The research reveals that these terms are used not only in the professional discourse of visual art, but also in daily speech.

Терминология позволяет создавать единое информационное пространство, обеспечивает взаимопонимание на национальном и межнациональном уровнях. Она составляет ядро языка профессиональной коммуникации. В настоящее время существует много исследований, посвященных различным терминологическим системам. Однако терминам изобразительного искусства была посвящена лишь кандидатская диссертация В. Н. Сергеева «Терминология изобразительного искусства в русском языке XIX–XX вв.» (1964 г.). Прошло более полувека, и в этой области произошли заметные изменения, повлиявшие на саму терминосистему. Вместе с новыми явлениями пришли новые термины: *стрит-арт*, *цифровая живопись*, *цифровой художник* и др.

Историю развития новых направлений искусства XX столетия принято условно разделять на два больших этапа: *модернизм* (modern art) — искусство от эпохи импрессионизма (начиная приблизительно с 1880 г.) до 1960–1970-х гг. и современное, или актуальное, искусство (англ. contemporary art) — от 70-х прошлого века до настоящего времени. Предметом нашего внимания являются термины, обозначающие новые направления в изобразительном искусстве.

Ряд терминов являются общими для искусствоведения, например *андеграунд* (англ. underground — «подполье») — «официально не признанное искусство». Термин заимствован из художественной практики послевоенной нью-йоркской богемы, где *андеграунд* возник как оппозиция к массовому коммерческому искусству. С начала 70-х гг. это явление, а вместе с ним и слово *андеграунд* проникают в СССР и охватывает все разнообразие неофициальной неконформистской, так называемой «второй культуры». К числу общих терминов можно отнести и *соц-арт* — «направление авангардистского искусства и литературы, сложившееся в СССР в 1970-х годах, основанное на пародировании, профанации, доведения до абсурда идей социалистического реализма».

В 1970-х гг., как мы видим, усилилась социальная направленность арт-процесса. Самыми заметными явлениями рубежа 1960-х и 1970-х гг. можно назвать развитие *концептуального искусства* и *минимализма*. Особый интерес представляет термин *ар брут* (фр. Art Brut — «грубое искусство») — термин, введенный французским художником Жаном Дюбюффем (1945 г.) для описания коллекции картин, рисунков и скульптуры, непрофессиональных мастеров-маргиналов (душевнобольных, инвалидов, заключенных и т. п.). В качестве эквивалента используется термин *искусство аутсайдеров* (англ. outsider art), который ввел в 1972 г. искусствовед Роджер Кардинал. Оба термина применяются в русском языке.

В новых терминах второй половины XX в. отражается синтез изображения, объема и движения. Начиная с 1960-х гг. в Европе начал развиваться *боди-арт* — «искусство тела». В русский язык термин вошел во 2-й половине XX в. Это одна из форм авангардизма, где главным объектом творчества становится тело человека, а содержание раскрывается с

помощью невербального языка: поз, жестов, мимики, нанесения на тело знаков. *Он-арт* (от англ. optical art — «оптическое искусство») — «художественное течение второй половины XX в., использующее различные оптические иллюзии, основанные на особенностях восприятия плоских и пространственных фигур». Для обозначения объемно-пространственной композиции, конструкции, созданной художником из бытовых предметов, в конце XX в. русским языком был заимствован термин *инсталляция* (англ. installation — «установка, размещение, монтаж»).

К середине 80-х относится расцвет фотографии как средства художественного выражения в искусстве. *Фотореализм* (photorealism) — «направление в живописи, возникшее в США в конце 1960-х, а затем, в 1970-х годах, распространившееся в Европе». Термин преимущественно применяется по отношению к работам американских фотореалистов конца 1960-х — начала 70-х гг. Слово *фотореализм* было придумано Луи Мейзелем в 1968 г. и впервые опубликовано в 1970 г. в каталоге Музея Уитни для выставки «Двадцать два реалиста». Другое название фотореализма — *гиперреализм*.

На данную терминосистему, начиная с 1980-х гг., большое влияние оказало развитие технологий — видео, аудио, компьютеров и Интернета. Создание визуальных изображений посредством линий, штрихов, точек и других элементов, с целью передачи определенных идей и посланий получило название *графический дизайн*. Термин используется как для обозначения самого процесса дизайнера, так и его результатов. *Графический дизайнер* — художник, занимающийся этим видом изобразительного искусства. Словосочетание *цифровая живопись* обозначает создание электронных изображений не путём *рендеринга* (создания плоского изображения по разработанной 3D сцене) компьютерных моделей, а за счёт использования компьютерных имитаций традиционных инструментов художника. Этим занимается *цифровой художник*.

Стрит арт (англ. street art — «уличное искусство») — «изобразительное искусство, отличительной особенностью которого является ярко выраженный урбанистический стиль». Основной частью стрит-арта является *граффити* (от итал. graffito, мн. graffiti). Зарождение российского граффити движения произошло в 1980-х годах и к концу 1990-х годов приобрело массовый характер. Одна из разновидностей граффити — *спрей-арт* — «нанесение на здания и другие объекты городского пейзажа рисунков и надписей с помощью аэрозольной краски».

Заслуживают внимания способы адаптации заимствованных, преимущественно из английского языка, терминов изобразительного искусства в русском языке. Среди словообразовательных моделей преобладают сложные слова английского происхождения со второй частью *арт*. Следует отметить, что слово *арт* употребляется в современном русском языке самостоятельно как синоним слова *искусство*. При заимствовании сложного слова в ряде случаев одна из частей переводится на русский язык. Некоторые термины со-

хранят традиционный суффикс *-изм*, но создаются они не на русской почве, а заимствуются целиком. Большинство терминов заимствуются в своем первоначальном фонетическом облике и транслитерируются. Появление новых терминов изобразительного искусства в русском языке сопряжено

с их интернациональностью и стремлением языка обозначить новое явление в области художественного творчества. Как показывает исследование, специальная лексика употребляется не только в профессиональном дискурсе, но и входит в повседневный речевой обиход.

Заимствования из английского языка в современный русский язык

Р. Р. Яхина

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева (Казань, Россия)

Распространение заимствований в современном русском языке

Summary. Spreading borrowing words in modern Russian.

В истории русского языка можно выделить периоды активного иноязычного влияния: это, несомненно, эпоха Петровских реформ, период коренных социальных и экономических перемен, научно-технической революции. Языки, оказывавшие влияние на словарный состав русской лексической системы, разнообразны. Среди них заметная роль принадлежит английскому языку. Представленная статья являет собой изучение взаимодействия двух языковых систем — английской и русской на лексическом уровне. В последнее время в условиях глобализации экономических, политических и социальных процессов, усиления скорости распространения информации, в связи с бурным развитием информационных технологий, средств массовой информации происходит усиление языкового взаимодействия. Так слова, определяющие новые явления, мигрируют в другие языки для номинации реалий иноязычной действительности практически молниеносно, несмотря на то, что в них существуют вполне удовлетворительные эквиваленты.

Всё большее распространение в русском языке получают английские языковые элементы, что связано с развитием международных отношений России с англоязычными странами (Англия, США, Австралия), всеобщим распространением английского языка как языка международного общения и соответственно расширения английской языковой компетентности.

В XX веке человечество вступило в новый этап своего развития, характеризуемый нарастанием темпа и масштабов технических изменений, ростом влияния технических наук на самые различные сферы человеческой деятельности. Развитие техники и технического знания все в большей степени определяет тенденции и ускоряет развитие самого общества. Сегодня жизнь человека существенно отличается от жизни людей XX века, так как она неразрывно связано с различными технологиями и техникой. Изменения в сфере техники и технического знания, охватившие за два столетия практически весь мир, переводят общество в новое качественное состояние.

Формирующаяся на наших глазах техническая терминология возникает не на пустом месте. Многие заимствованные слова претерпевают разнообразные осмысления, семантические и стилистические сдвиги, а также язык постоянно пополняется новой технической лексикой.

Появляются и исчезают из широкого употребления «модные» слова — *скрининг*, *тюнинг*, *слайдер*, *иммобилайзер*, *контроллер*, *кулер*, *тачфун*, *пейджер*, *нетбук*, *ноутбук*, *пэм компьютер* и т. д. Складываются традиции употребления новых терминов, т. к. идет процесс формирования собственно системных отношений в данной терминосфере.

В современном русском языке были отмечены случаи, когда заимствования использовались для обозначения понятий, новых для языка рецептора и не имеющих в языке источнике. Два прототипа, соединившись на почве языка-рецептора, используются для наименования понятия или явления уже нового значения, мы имеем не столько заимствование, сколько образование нового русского слова из нерусских элементов. Рассмотрим англицизмы *шоп* и *тур*. Соединяя эти два англицизма на русской почве, образуется новое слово *шоп-тур*, которое понятно носителям русского языка, но не имеет эквивалента в английском языке, тем самым, его нельзя назвать в полном смысле англицизмом.

В плане выражения прототипов отмечаются различные модификации. Специфической группой, характерной только для современного этапа развития русско-английского взаимодействия, является сосуществование транслитерированных и нетранслитерированных форм, обусловленное двумя факторами: сохранением товарного знака (юридических прав) и идентификацией продукта, услуги, технологии. Фонетические варианты заимствования доминируют — это связано с глубоким изоморфизмом двух фонетических систем, каковыми являются русская и английская. Однако вариантный разброс современных лексем невелик, типология их ограничена, большая часть английских новообразований имеет установившийся план выражения, что связано с выработкой в языке моделей морфологического уподобления.